

Даля Трускиновская

Нереал

«Автор»

Трускиновская Д. М.

Нереал / Д. М. Трускиновская — «Автор»,

Совершено загадочное покушение на крупного бизнесмена. Киллер стрелял в упор из какого-то странного оружия, но жертва не пострадала. Дело ведет следователь Василий Горчаков. В ходе расследования он сталкивается с мистическими явлениями, узнает о возможности создания существ-двойников, используемых в своих целях «магической мафией». Но случается непредвиденное: созданный монстр выходит из-под контроля своего создателя...

© Трускиновская Д. М.

© Автор

Содержание

УГОЛОВНЫЙ ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
Глава первая.	13
Глава вторая.	21
Глава третья.	30
Глава четвертая.	38
Глава пятая.	49
Глава шестая.	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Далия Трускиновская

Нереал

фантастический роман

УГОЛОВНЫЙ ПРОЛОГ

О том, как в «Бастионе» объявился киллер, и что из этого вышло

Когда за дверью шефского кабинета раздался выстрел, секретарша Асенька, двадцати лет, глаза серые, волосы неизвестного науке, но весьма яркого цвета, рост метр семьдесят, прочее – 90-60-90, даже не сразу поняла, что это такое. Просто там, за дверью, и без того гремело, выло, трещало и орало самым непотребным образом. Она даже улавливала шефский голос, отдававший немислимые для солидного человека команды, вроде: «Окружай его, окружай заразу! Бе-е-ей!!!» Но вот особенно сильно грянуло – и миг стало тихо.

И то еще, чтобы понять, что это – реальный выстрел из пистолета, нужно было обладать развитой фантазией, отточенной до лезвийной тонкости и точности всякими заграничными триллерами, при потреблении которых опытный видеозритель к третьему году вырабатывает в себе интуицию, достойную бойца из отряда по борьбе с терроризмом, и слышит выстрел за полсекунды до того, как палец злодея дождет спуск.

Асеньке не менее минуты потребовалось, чтобы обернуться на эту самую закрытую дверь, оценить внезапную тишину, ахнуть, съежиться на стуле коленками к мордочке и отчаянно завизжать.

О том, что нужно бы нажать кнопку для вызова охраны, она догадалась уже тогда, когда крепкие и практически одинаковые камуфляжные ребятишки, рост – метр девяносто, глаза – яростные, волосы – миллиметровым ежиком, неслись с первого этажа, где имели пост и дежурку, вверх по лестнице.

– Спятила? – рывкнул старший, Лешка, потому что Асенька, набрав побольше воздуха, зазвенела снова, на той же неопикуемой ноте.

Девушка показала большим пальцем себе за спину. Обернуться она не могла – ну, не могла, ну, не могла!...

Лешка рванул на себя дверь.

Но было поздно. Шеф, Валерий Яковлевич Ротман, сорока четырех лет, когда-то – блондин, глаза – закрытые, рост – метр семьдесят два, вес – сто пятнадцать, лежал в царственном кресле без сознания, ткнувшись лицом в компьютерную клавиатуру, а в трех шагах от него стоял и неторопливо обернулся на дверной шум высокий мужчина.

Был он в черных штанах и в черной же рубахе, расстегнутой до пупа, что показалось ребятам совершеннейшей нелепостью, но это они осознали уже потом.

Лешка и Сашка одновременно вскинули «макары».

У киллера тоже был в опущенной руке большой пистолет, но он даже не подумал прицелиться в охрану. Лешке вдруг показалось, что этого дядьку удастся скрутить без стрельбы.

– Кто тебе его заказал? Живо! – скомандовал охранник. – Ну?

Киллер пожал широченными плечами. На его крупной, тяжелой резьбы физиономии было такое недоумение, на какое только может быть способна классическая «морда кирпичом». И когда зазвучал голос, он тоже оказался какой-то глуховато-каменный, серо-бетонный и протяжный.

– Не знаю!...

В подтверждение киллер развел ручищами. При этом весь открылся – прошивай его очередями вдоль и поперек!

– Во, блин! – только и смог сказать Лешка.

И тут киллер, очевидно, опомнился. Он резко ссутулился, головой вперед кинулся к двери и в затаенном прыжке, удивительном для такого крупного мужика, пролетел между Сашкой и Лешкой. Он даже поворот в воздухе ухитрился сделать, совершенно молниеносный и никаким Ньютоном не объяснимый поворот, а то бы вмазался мордой в косяк.

Когда они обернулись – а обернулись ребята резво, оба все-таки сертификаты бодигардов имели и из кульбита двумя выстрелами два силуэта в десятку поражали, – так вот, успели они увидеть только висящий в воздухе на высоте девяноста сантиметров каблук ковбойского сапога, да и тот стремительно исчез, а вниз по лестнице покатился грохот и сразу смолк.

И тут же опять заголосила Асенька, и в обоих коридорах вдруг сделалось полно народу, и кто-то уже ворвался в шефский кабинет, и еще кто-то звонил в «скорую», но у него отняли трубку, потому что покойник более нуждался в милиции, если вообще в чем-то нуждался, и был вокруг сплошной кошмар!

А еще через десять минут Лешка с Сашкой стояли в шефском кабинете, глядя на белые спины склонившихся над Валерием Яковлевичем врачей.

– Он же тут был? – не столько Сашку, сколько сам себя спросил Лешка, показывая пальцем, где именно увидел киллера.

– Ну?

– Не мог он отсюда промахнуться!

– Фантастика!...

А промашка вышла совершенно удивительная – пуля треснула даже не в левое, а в правое ребро, и шеф потерял сознание всего-навсего от болевого шока. Пулю же потом просто-напросто вытряхнули из его рубахи.

Парни были изумлены не столько тем, что на втором этаже неплохо охраняемого здания возник киллер, не идиотским ответом и необъяснимым бегством этого киллера, а тем, что на расстоянии в три шага, имея перед собой совершенно необъятное тело шефа и не будучи при этом от рождения слепым, убийца промазал примерно на полметра.

Когда следователь Вася Горчаков взял их обоих к себе в кабинет, речь шла именно об этом – о диких странностях нападения.

Вася знал ребят потому, что на курсах бодигардов сам был их инструктором по дзюдо. Мысли о том, что эта парочка способна соврать, он не допускал. Но и картина из показаний всех свидетелей сложилась совершенно нереальная.

Ребята, заступившие на ночное дежурство в восемь часов вечера, к четверти девятого еще не настолько обалдели от телевизора, чтобы проворонить посетителя, который в нерабочее время без всякого предлога претя в «Бастион». Если бы это был кто-то из близких к фирме лиц, хотя бы приятель какого-то компьютерного мальчика, приглашенный на вечер поиграть в интерактивную стрелялку, он бы сказал в окошечко «Привет!». А если бы появилась фигура без приветов, то ей сразу бы задали всякие вопросы. Незнакомца Сашка с Лешкой пропустить физически не могли. А тут еще странные слова Асеньки – якобы только на две минуточки отлучалась понятно куда, пришла, стала перед выходом на улицу личико поправлять, а тут за стенкой – бах!

– И что, всегда этот ваш Ротман допоздна сидит? – удивился Вася.

– Да он же с Лабуцким из рекламного отдела и с Семеновым играет! Они вместе вторую неделю какую-то межпланетную станцию штурмуют! – и Лешка растолковал далекому от компьютерных игрушек Васе, как три сорокалетних мужика, сидя каждый в своем кабинете, лупят

по зеленым чудовищам из бластеров и перекликаются зверскими хриплыми голосами, вроде пиратов в разгар абордажа.

Ротман был похож на пирата примерно так же, как сам волосатый, ободранный, беззубый после цинги, чумазый, провонявший хрен знает чем, отощавший за два месяца сухарей и солонины пират – на упитанного, благопристойного, чистенького, лысенького бизнесмена...

Потом общими усилиями попытались составить список всех, кто бы мог нанять киллера, пусть даже такого растяпу. Список тоже получился какой-то идиотский. У «Бастиона» были вполне сносные отношения с «крышей», если бы в воздухе хоть эфемерно повеяло порохом – «крыша» немедленно дала бы знать и, скорее всего, помогла принять меры. Ротман был нужен всем – этакий папа-кормилец, умеющий делать деньги из любого мусора, и потому его берегли. Так что три пункта списка составляли безумный сосед Ротмана, которого за ночную музыку в двести децибелов мягонько припугнули, первый муж жены Ротмана, ныне безнадежный алкоголик, и классическая теща...

Сам Ротман, который довольно быстро очухался, тоже не мог объяснить, каким образом в кабинете оказался незнакомый мазила. Когда штурмуешь межпланетную станцию – совершенно не слышишь, кто там копошится у тебя за спиной.

Но вот слова странного киллера Ротман запомнил.

– Это тебе за Машку Колесникову! – сказал мужик с кирпичной рожей и выстрелил.

– Впервые вообще такую фамилию слышу! – и Ротман воздел вверх два сложенных вместе перста правой руки, что означало клятву.

И никто из его окружения тоже такой фамилии не знал. Даже ядовитая, как четыре гюрзы, теща. А ей бы полагалось!

Все это выяснилось еще до половины десятого вечера.

И именно в половине десятого за спиной Марины Михайловны Грачевой, тридцати четырех лет, рост метр семьдесят два, вес шестьдесят четыре, глаза голубые, волосы – крашенная блондинка, разведенной, элегантной, обеспеченной, идущей по главному проспекту города с большим достоинством, от массажистки домой, раздались такие слова:

– Люсенька! Вот это встреча!

Марина Михайловна, твердо зная, что никакая она не Люсенька, сделала еще три шага – и тут из-за ее спины вывернулся, заступив дорогу, высокий мужчина.

– Люся! Я уже второй квартал за тобой иду!

– Вы ошиблись, – сухо сказала Марина Михайловна. То, что она в тридцать четыре года не замужем, – еще не повод обращать внимание на таких вот дешевых приставал.

– Ну вот, ошибся! Вы ведь прошлым летом в Москву ездили?

Голос был глуховатый и физиономия – тяжелая, невыразительная, но и в голосе, и даже в физиономии чувствовалась какая-то сила, силушка, силища...

– Вы меня с кем-то путаете.

– Да нет же, точно – вы! – мужчина уже шел с ней рядом. – А я ведь вас потом искал. Звонил! Какая-то бабушка трубку брала. Ну, вспомнили? Я – Гена! Ну? Настоящее хохляцкое сало с чесноком!

Она все-таки повернулась к нему...

Мужчина был высок, хорошо сложен, склонялся к Марине Михайловне примерно так, как склоняются к обожаемой женщине, на крупном его лице уже был, в меру возможности, написан неподдельный восторг встречи, а о том, что сзади под черной рубашкой за поясом заткнут большой, черный же пистолет, Марина Михайловна узнала только у себя дома...

Конечно же, ни в каком купе с этим человеком она отродясь не сидела, сала не ела, шоколадом не закусывала, своего телефона не давала. Но когда хорошо сложенный мужчина оказался совсем близко и заглянул в глаза, произошло необъяснимое – она почувствовала, что

этот уличный приставаля ей нравится. Ну прямо так нравится, что сил нет! И не все ли равно, спутал он ее с Люсенькой, или ловит на дешевый приемчик.

От него за версту разило мужиком. Несложным, не обремененным комплексами, не верящим в женский отказ мужиком! Неутомимым, неистребимым, несокрушимым мужиком!

А почему бы и нет, подумала Марина Михайловна, почему бы и нет?

Наутро после более чем бурной ночи она проснулась с диким ощущением. Тогда, когда они целовались и обнимались на кухне, когда она случайно напарила рукоятку пистолета, было не до глупых вопросов – мол, киллер ты, что ли? Она здраво рассудила, что не станет же мужчина стрелять в женщину, которую так сосредоточенно раздевает, зачем ему это? А вот утром Марина Михайловна проснулась именно с тем ощущением, что предоставила ночлег и любовь киллеру!

Она осторожно повернула голову.

Голова была весом центнера в полтора.

В постели рядом с ней никого не оказалось.

Тогда Марина Михайловна с большим трудом вылезла, кое-как утвердилась на ногах, накинула халат и пошла искать свое приобретение. Ее покачивало, заносило, ноги подгибались, и по дороге из спальни в гостиную она сделала два вынужденных привала – на пуфике у зеркала и в нише секции, рядом с телевизором.

В гостиной, куда она очень осторожно вышла из спальни, почему-то было прохладно. И пусто. Марина Михайловна позвала, удивляясь слабости своего голоса. Великолепный мужчина не отозвался ни с кухни, ни из ванной, ни даже из туалета. Марина Михайловна в превеликом недоумении, держась за косяк, выглянула в прихожую – и тут ей стало страшно.

Месяца не прошло, как она поставила вторую дверь с довольно хитрым замком. Дверь при попытке взлома выпускала длинные штыри вверх и вниз, входившие в особые пазы. Имелось в виду, что ломать будут снаружи. Странный избранник, видно, попытался неслышно уйти, но не справился с замком и сгоряча попытался проложить дорогу силой. Штыри выскочили и заперли дверь так основательно, что хозяйка и представить себе не могла, как теперь выбраться из дому.

Но куда же он подевался?

Уже вполне убежденная, что приютила сумасшедшего, Марина Михайловна достала из сумочки мобилку, села на тумбочку для обуви и набрала номер самого близкого из надежных мужиков – директора фирмы, ставившей дверь. Они были давними приятелями, почти соседями, и звонок в восемь утра для обоих считался вполне допустимым.

– Рома? Это я! Слушай, у меня побывал вор, – умирающим голосом сказала Марина Михайловна. – Что – дверь? Дверь-то как раз в порядке!... Дверь выдержала... Да нет, изнутри... ну, давай сюда скорее с кем-нибудь!... Может быть, он вообще сидит на антресолях...

У нее не хватало сил подняться с тумбочки, а не то чтобы тыкать палкой от швабры в глубину антресолей.

Она сидела на тумбочке в каком-то невесомом состоянии, рук-ног не чуя, и даже если бы сейчас в нее уперлось дуло черного пистолета – она не пошевелилась бы, до такой степени силы ее покинули.

Роме было недалеко бежать – и пяти минут не прошло, как он со старшим сыном Никиткой позвонили в дверь. Получив отчет о том, как все выглядит изнутри, Рома успокоил расстроенную Марину Михайловну. Примерно через полчаса ее освободили и довели до кресла в гостиной.

– Ну и где же твой вор? – поинтересовался Рома, обходя квартиру. – Если он не вылез в окно – то он где-то здесь!

– В канализацию ушел! – заметил шестнадцатилетний Никитка. – Он – диггер!

– В окно? С девятого этажа? – совсем помирая, спросила Марина Михайловна. – Рома... Вызови-ка скорую...

Но ей пришлось-таки поверить в это – когда в гостиной догадались заглянуть за оконные шторы, то и обнаружили, что цветочные горшки сдвинуты все вместе, окно приоткрыто, а к трубе от парового отопления привязано длинное льняное кухонное полотенце, и край его за подоконник свисает...

– Фантастика! – воскликнул Рома.

Причем он вовсе не сговаривался с Сашкой и Лешкой, комментировавшими странный промах киллера. Он даже не знал, что такие Сашка с Лешкой существуют.

А ребята между тем освободились после ночного дежурства и в мрачнейшем состоянии духа шли прочь от «Бастиона».

Не было сомнения – это можно считать их последним дежурством. Ротман мягок, ласков и добродушен, но держать растяп и бездельников не станет. Тем более – после такой истории...

– Ну и засунь себе в задницу этот сертификат... – ворчал Лешка. – Курсы бодигардов, курсы бодигардов! Нас теперь тетку с пирожками охранять не возьмут...

Он правильно рассудил – слух о нападении на Ротмана за двадцать четыре часа обрассет самыми невыгодными для охраны подробностями. Что, мол, спала охрана и не заметила, как четыре здоровенных киллера по лестнице вверх протопали. А потом, когда уже и кровяшка потоком по коридору, когда и скорая уже раненого президента увезла, насилиу охрану добудились, и вообще именно этих двух Ротман давно собирался выкинуть за пьянство и использование диванчика в дежурке для сексуальных надобностей.

И кто их после этого возьмет вместе с дурацкими сертификатами?...

– У меня этот, как его, деверь, что ли, или шурин в ремонтной фирме работает, – вдруг заявил Сашка. – Они в офисах евроремонты делают. Получают не хило, когда есть заказы. Давай прямо сейчас – к нему?

– А что, там люди нужны? – оживился Лешка.

– У них так: есть ядро и есть случайная публика. Когда сидят без заказа – специалисты получают какой-то там минимум. Когда заказы пошли – людей набирают на конкретные объекты. Опять нет заказов – опять ядро подкармливают, а которые были набраны – гуляйте!

– Ну и как они сейчас?

– Шурин, ну, сеструшкин муж, или зять, кто он там мне, говорил – приходи, мы главный офис «Гербалайфа» сейчас делаем! Посмотришь, как люди живут. Они там еще заодно квартиру директора этажом выше делают. Во!

Это вместе с легким тычком в бок относилось уже к девчонке, идущей навстречу. Девчонка была что надо и сама это прекрасно знала. И вполне естественно, что, невзирая на все-ленскую неприятность, оба парня исправно ее присутствие на улице отметили. Ведь и было-то им: старшему, Лешке, двадцать четыре, а Сашке и вовсе двадцать один.

По дороге к гербалайфовскому офису оба разбирались – кто и что умеет делать. Обоим приходилось помогать родителям в ремонте – тем опыт начинался и завершался. Однако смелость города берет, а наглость – все остальное. Мало ли какой подай-поднеси требуется при евроремонте?

Офис оказался не на приличной улице, а вовсе даже в переулке. Сперва Сашка с Лешкой подивились этому, а потом сообразили: на улице шиш удачно припаркуешься, а тут целый скверик изъяли у детишек с бабушками под автостоянку. Так оно даже солиднее получилось.

Они вошли в этот самый офис, занимавший весь нижний этаж почтенного дореволюционного дома, назвали имя зятя-шурина, и им объяснили, как, поднявшись по лестнице и совершив сколько-то поворотов, его отыскать. Стараясь не обтереть боками свежую краску, Сашка с Лешкой пошли на поиски – и прибыли на лестничную площадку крайне вовремя.

Опоздай они на минуту или поторопись на ту же минуту – и человек, который, прихрамывая, волок из одной квартиры в другую большую стремянку, проскочил бы незамеченным. А так они его увидели и замерли, как стоп-кадр.

– Он!... – прошептал Лешка, глядя в спину человеку со стремянкой.

– А-а-а... – вместо «ага» выдохнул Сашка.

Человек был высок, статен, плечист, его рабочие штаны – заправлены в заляпанные белой краской ковбойские сапоги. Эту крупную неподвижную физиономию ребята с другой бы не спутали!

Киллер, киллер трудился на втором этаже гербалайфовских владений! Не прятался, гад, не летел на Гавайи с пачкой долларов в кармане, а волок себе стремянку как ни в чем не бывало!

– Фантастика... – вот это они произнесли уже хором.

Они могли на пару скрутить подлеца посреди лестничной площадки, но поднялся бы шум, понабежали его коллеги, и вряд ли киллер так сразу бы признался – да, мол, стрелял вчера в бизнесмена и вяжут меня за дело!

Лешка, как старший, распорядился – Сашке бежать звонить Васе Горчакову, а он сам будет пасти киллера до Сашкиного возвращения и до Васиного приезда.

Сашка понесся, что было сил.

Пока один толкся на лестнице, то спускаясь, то поднимаясь на пролет, другой несся к телефонной будке, но мысль у них сейчас прокручивалась одна на двоих. Оба очень ярко представляли, как повяжут киллера, как прославятся на весь город, как понабежит пресса, как Ротман оценит их высокий профессионализм и повысит зарплату!

Вася на другом конце провода ушам своим не поверил.

– Вы же его ровно секунду видели!

– Это он, зуб даю! – как можно убедительнее отвечал Сашка. – Коротко стрижен, носяра – во, морда кирпичом! Ну, нельзя было не узнать!

– Какого рожна он на стройке околачивается? – не мог понять Вася.

– А ты его спроси!

– Фантастика-а-а... – протянул молодой следователь.

И позволил себя убедить – приехал!

Вася Горчаков был не из тех плечистых красавцев, от которых женщины тормозят и теряют дыхание. Росточка средненького, с физиономией круглой и невыразительной, из ряда физиономий, которые словами описать совершенно невозможно, рыжеватый, на вид даже простоватый – он умел входить в любую команду. Попадал ли он по долгу службы в кабинет, где грызлись насмерть проворовавшиеся бизнесмены, или в раздевалку с полуголыми танцовщицами, или в тот самый закоулок продовольственного склада, где тетки в серых халатах стоят насмерть, охраняя совершенно левый товар, – всюду он каким-то образом делал так, что становилось тихо, драчуны расступались, глотки затыкались, а кроткий Вася с грацией маркиза, танцующего менуэт, проникал туда, куда нужно и задавал вопросы тому, кому нужно. Что интересно – он обычно и узнавал как раз то, что ему нужно.

На сей раз что-то не ладилось.

Киллер в ковбойских сапогах выслушал вполне приемлемую легенду – мол, похоже, что он – свидетель преступления, так пусть расскажет, что он видел вчера в восемь часов вечера у входа в лучшую сауну города «Суоми». И он, естественно, страшно изумился. Он сказал, что как раз в это время смотрел с семьей телевизор, в частности – «Поле чудес». Вася на всякий случай уточнил его имя и фамилию, записал адрес, во всем с киллером согласился – и на прощание попросил газетку с телепрограммой. Ему было желательно установить время передачи.

– Откуда я тут тебе газетку возьму, родной? – возмутился киллер. – Что ты ко мне привязался?

И непроизвольно отвел правый локоть чуть назад, как бы замышляя резкий зубодробительный удар.

Если бы Вася находился не при исполнении, он бы сделал легонький, чисто балетный глissад вперед, поднял полусогнутую и красиво округленную ручку, в которой только кружевного платочка бы недоставало, аккуратно прикоснулся к летящей ему в лицо руке – и как-то так бы получилось, что здоровенный мужик устремился за своим пронзающим пустоту кулаком вплоть до тяжелого и громкого падения на грязный пол.

Но и киллер не попытался треснуть следователя, и следователь не приложил киллера рожей к полу. Обошлось. Во всяком случае, так сперва показалось возмущенному киллеру.

– Ну, денек! – сказал он. – С самого утра сплошная непруха! То банка с краской со шкафа на ногу валится, а в ней десять кило, в заразе, то менты вяжутся!

И сказал этак героически. Мол, какой ты следователь, ты для меня, нормального мужика, – мент.

Примерно час спустя начались неприятности!

Оказалось, что как раз во время нападения на Ротмана программа «Поле чудес» уже завершилась. Будучи спрошен о ее подробностях, киллер плел несусветицу. Отправились к нему домой, благо адрес и фамилию, к некоторому удивлению Васи, он дал правильные. Отыскали жену, работавшую продавщицей по соседству. Жена высказалась в том смысле, что у которой дамы легкого поведения этот сукин сын провел вечер и часть ночи, у той менты пусть им и интересуются!

Кончилась же вся эта суета именно тем, чем должна была кончиться сразу. Киллер, Валентин Сергеевич Башарин, тридцати восьми лет, рост – метр восемьдесят четыре, вес предположительно девяносто пять – девяносто восемь килограммов, телосложение атлетическое, волосы русые, очень коротко стриженные, глаза серые, нос прямой, крупный, подбородок выдающийся, и так далее, – так вот, он исхитрился и сбежал. Как был – в заляпанных белой краской фуфайке, штанах и ковбойских сапогах!

Словарь латинских выражений,

употребляемых не в меру образованным Игорем Сеницыным где надо и где не надо

(по мере использования)

Rara avis in terris – редкая на земле птица. Говорится о предмете крайне необычном. Пусть даже в области общепита.

Aquila non captat muscas – орел мух не ловит. Орел в этом случае – сам Игорь.

Hirundo volant – ласточка летящая. Так, очевидно, Игорь представил себе спуск киллера со второго этажа на первый.

Ubi tu Gaius, ibi ego Gaia – где ты, Гай, там я, Гайя. Вот как выглядит этот афоризм на самом деле. Так говорила в Древнем Риме невеста жениху во время свадебного обряда. Но обалдевший от несчастной любви Игорь может формулу и сознательно перевернуть.

Experientia docet – опыт учит. Игорь имеет в виду опыт всего человечества за последние пять тысяч лет

De lingua stulta veniunt incommoda multa – от глупого языка происходят многочисленные неприятности. Игорь нечаянно назвал глупым собственный язык, потому что собеседник ему попался глухонемой.

Haurit aquam cribro, qui discere vult sine libro – черпает воду решетом тот, кто хочет учиться без книги. Возможно, Игорь хотел проявить изощренное ехидство, но не исключено, что он просто забыл смысл длинной фразы.

Salus patriae suprema lex est – благо родины есть высший закон. Салон «Инферналь» не самое подходящее место для подобной педагогики, но Игорь уже несколько лет пытался хоть куда-то употребить это изречение и никак не находил повода.

Margaritas ante porcos – жемчуг перед свиньями. Имеется в виду неточно переведенное евангельское изречение «не мечите бисера перед свиньями, да не попрут его ногами». Игорь искренне полагает, что всякий, посягнувший на его жемчужинку-Маргариту, – свинья, и по-своему он прав...

plusquamperfectum – давнопрошедшее время в латинской грамматике. Возможно, это все, что уцелело у Игоря в голове от склонений и спряжений. Применить латынь к постройке казармы мог только Игорь и только с перепугу.

Non scholae, sed vitae discimus – мы учимся не для школы, а для жизни. Игорь имеет в виду юный возраст и странные заявки ролевиков.

Jacta est alea – жребий брошен. Сравнить перепуганного Башарина с Гаем Юлием Цезарем, который произнес эти великолепные слова, собравшись переправляться через Рубикон, мог, конечно, только Игорь!

Dum spiro, spero – пока дышу, надеюсь. А что еще оставалось бормотать Игорю в такой ситуации???

In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sanctum! – во имя отца, и Сына, и Святого Духа! Очевидно, выучить по-русски «Отче наш» Игорю оказалось слабо...

Festina lente – спеши медленно. Вполне разумная инструкция, вот если бы только она прозвучала по-русски...

Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus – будем радоваться вместе, пока мы молоды. Первые строчки средневекового студенческого гимна. Естественно, иначе выразить свою радость от спасения Игорь физически не мог!

Age quod agis – делай, что делаешь. Выделяться по-латыни под дулом пистолета – это даже для Игоря малость чересчур...

Vox populi – vox dei – глас народа – глас Божий. Очевидно, Игорь действительно считает инкубов народом, хотя на самом деле это племя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая.

Как я вообще влип во всю эту историю

Кафе было уникальное. *Rara avis in terris*. Отродясь такого не видывал. И не слыхивал.

Во-первых, мрачное, как декорации в фильме Тарковского. Его окна выходили на бетонный забор, наводящий на мысли о той самой стенке, к которой ставят... Внутри все те полчаса, что я там проторчал, не было ни души – я имею в виду и душу буфетчицы.

Во-вторых, каждые десять секунд за стенкой гремело. И хорошо гремело – хоть уши затыкай.

Это треклятое кафе какой-то умалишенный открыл при тире. А другой умалишенный, то есть я, сидел там и ждал, пока его высочество Александр Четвертый отстреляться изволят. Нет, я не хочу сказать ничего плохого про Александра Четвертого, он и мне предлагал – но я человек сугубо мирный. Мое оружие на сегодняшний день – три фотоаппарата. И, собственно, попал я сюда лишь потому, что мне заказали портрет Александра Четвертого на фоне его загородного особняка. И я сдуру решил, что будет справедливо, если он сам меня туда отвезет и доставит обратно.

Его высочество не уворачивалось, оно было радо доставить меня в особняк! Но по дороге мы заехали в два банка, в три фирмы, в ресторан, где его высочество, оказывается, запасается дарами моря в пластмассовых контейнерах, и, наконец, осели в тире. Оно, видите ли, дважды в неделю стреляет со знаменитым инструктором Константином по кличке Сафари. Этот Сафари, говорят, берется научить стрелять даже слепоглухонемого парализованного дебила. Но при чем тут я?!?

Я уж начал бояться, что засветло мы не управимся. А делать цветной портрет миллионера на фоне особняка при вспышке – мягко говоря, странно. И время поджимало. Портрет этого самодельного Вильгельма Телля планировался на обложку. Впервые мне предложили сделать что-то на обложку. Провалить задание было смерти подобно.

Я даже не догадался взять с собой хоть газету, не говоря уж о книге. Хотя обычно таскаю с собой по меньшей мере три штуки. Дурная привычка тех времен, когда мне казалось, будто на жизнь можно заработать в книготорговле, и еще более странных времен – когда я преподавал историю.

В грохоте, впрочем, было некоторое разнообразие. Тир, как я понял, состоял из двух бетонных сараев. Так в одном их высочество палило из пистолета, а в другом какой-то фанатик упражнялся на винтовке. Если мушкеты и аркебузы производили такой же грохот, то все герои Дюма ходили по страницам бессмертных романов навеки глухие. А вот фанатик, будь он неладен, не оглохнет! У него наушники! А у меня наушников нет. Я – оглохну.

О том, что у меня за спиной появились два человека, я догадался не сразу. Да и они сперва не знали, что за жестяной стенкой с художественными дырками есть что-то живое. Такое уникальное кафе, с таким трогательным законным пейзажем и такой ненавязчивой музыкой, могло быть украшено только жостью!

– Тут нам никто не помешает? – спросил голос номер раз.

– Я же говорил, – проворчал голос номер два.

И далее последовал примерно такой диалог, перебиваемый то винтовкой, то пистолетом.

– Значит, Башарин Валентин Сергеевич у вас тренируется?

– Ну, у меня.

- Давно его знаете?
- Учились в одной школе. И родители вместе работали. Где-то я слышал эту фамилию – Башарин. И не один раз...
- Часто он сюда приходит?
- Как договоримся.

Башарин, Башарин... Валентин... Откуда он взялся в моей голове, этот Башарин? Что он там делает? И почему я помню все фамилии, которые хоть раз в жизни произносил вслух? Кто-нибудь может мне это объяснить?...

- У него свое оружие?
 - Нет, конечно.
- Ответ был чересчур быстрый.
- Константин Федорович, это очень важно. У Башарина было свое оружие?
 - Если и было – сюда не брал.

Так. Выходит, за стенкой сидит сам Сафари. Посмотреть бы на пистолетного гения. Просто так – интересно, как может выглядеть человек, всю жизнь посвятивший тому, чтобы дырять бумажку с черным кружком ровно посерединке.

- Значит, стрелял из вашего оружия?
 - Дам я ему свое оружие! Пишите так – из пистолета ТТ, принадлежащего тиму.
- Выходит, все-таки допрос.
- Его супруга сказала, что он хочет получить сертификат охранника и устроиться в банк.

Вы в курсе?

- Да собирался. Только там ведь не одну стрельбу сдавать надо.
 - Есть у него шансы?
 - Если заплатит кому следует.
 - А как у него именно со стрельбой?
 - Нормально. Я бы сказал – более чем нормально.
- Тут голос отвечавшего несколько оживился.
- И какие результаты? – спросил голос номер раз.
 - Начинал – было где-то восемьдесят – восемьдесят пять. Сейчас из девятки не выпадает.

Стабильно.

- Значит, девяносто – на двадцать пять?
- На двадцать пять.

Я человек штатский. В последний раз стрелял еще в школе. Ну, не интересны мне эти мужские игрища на свежем воздухе. Девяносто – это уж точно были очки, а двадцать пять, скорее всего, метры. Я напряг память и воображение – получилось, что тот, о ком толкуют люди за жестяной стенкой, неплохой стрелок. Выбить десять девяток для меня было бы фантастическим подвигом. Но как ко мне в голову попал стрелок Башарин? Стрелок Башарин, стрелок... Тепло, тепло, еще теплее...

- Очень хорошо... – заметил голос номер раз. Задумчиво как-то заметил, и что любопытно – ему совершенно не понравился этот результат.
- Это его потолок.
- Нормальный потолок. А навскидку?
- За молоком, во всяком случае, не ходит.
- На двадцать пять?
- Ну, я же сказал.

Ходить за молоком на двадцать пять метров – это было уже выше моего разумения. Хотя при таком грохоте Сафари мог претендовать на молоко за вредность. И гонять за ним Башарина... впрочем, меня уже заносит...

- И когда же Башарин был у вас в последний раз?

– Когда?

Я не имел намерения подслушивать. Но если полчаса наслаждаешься исключительно диалогом пистолета и винтовки, то даже таблица умножения, не к ночи будь помянута, покажется тебе сонетом Петрарки.

Двое за жестяной стенкой устроили возню над карманным календарем. А потом то, что отвечал на вопросы, сказал, что у него больше нет времени. Что клиент ждет. И выслушал благодарность за содействие.

Стрелок Башарин, долбил я, эй ты, стрелок Башарин, заблудившийся в моих извилинах! Выдь, покажись на свет Божий! Или ты не стрелок вовсе?

– Вот что у нас получилось, – сказал голос номер раз. – Это, извините, должно быть оформлено как протокол допроса. Вот тут распишитесь – что с ваших слов все верно.

Сафари внес поправку – мол, прогресс с Башариным случился за полтора месяца занятий. Почему-то это для него было важно. После чего гениальный инструктор с представителем власти и распрощался.

Я видел его не то что краем глаза, а вообще непонятно чем, когда он подошел к стойке, заглянул на кухню, никого там не увидел и ушел. Парень лет тридцати, поджарый, физиономия почему-то очень круглая и, что любопытно, волосы почти до плеч. Не схваченные в хвост, как теперь повелось, а просто так. А на шее болтаются наушники. Такие теперь, выходит, снайперы.

Ну и где же ты, снайпер Башарин?

Тьфу! Я и впрямь чуть не плюнул. Никакой он не стрелок, а – ходок! Я даже услышал средним ухом явственные слова:

– Ну, Башарин – это ходок!

Имелось в виду – по части слабого пола.

Человек за жестяной стенкой уронил авторучку. Удивительно, как далеко может укатиться эта штуковина без всяких к тому физических предпосылок. Если бы я не настиг ее в нырке под стол, она бы пронеслась через все кафе.

С добычей в руке я повернулся – и увидел выглянувшее из-за стенки лицо.

– Васька! – сказал я.

– Игорешка! – ответил он.

Вот именно теперь, когда я встретил собрата-туриста, с которым год как не видались, и появилось его треклятое высочество.

– Отстрелялся! – бодро сообщил Александр Четвертый, государь-император королевства Гриль. Нет, точно, торчащие на всех углах повозки, где миллионами жарятся бройлеры-гриль, – его личная собственность. Примерно год назад он завоевал этими бройлерами сперва район, потом – город, а теперь и на всю область распространяется. У него есть и другие дела, не такие заметные. И не бройлеры сделали его самым богатым в окрестностях человеком. Но если так пойдет дальше – он восстановит в России монархию, потратив на это менее трети своих доходов, коронуется и действительно станет Александром Четвертым. Мои снимки войдут в учебники истории – но вряд ли я получу за них гонорар.

Корона ему пойдет – если чуточку набекрень. Он то, что называется – импозантный мужчина с благородной сединой. И плюньте в бороду тому, кто скажет, будто его величество начинало в мясном павильоне нашего центрального рынка. Рубщиком мяса. Правда, говорят, гениальным рубщиком.

– Как ты, Васька? Все там же? – понимая, что меня уводят, зачастил я.

– А ты? Не ушел из школы?

– Ушел.

– Куда?

– На вольные хлеба.

Не время и не место было для такого разговора. Но нам обоим с равной силой хотелось где-то посидеть, хоть в парке на скамеечке, и вспомнить, как сплавлялись по дикой речке Берладке, перевернулись и выплывали, теряя сапоги, рюкзаки и, непостижимым образом, мои документы из внутреннего, наглухо застегнутого кармана...

– Хорошие хлеба! – сказал Васька. С таким одобрением сказал, за какое и шею намылить не грех. При этом он глядел на пряжку моего ремня. Балерина я, что ли, чтобы талию соблюдать?

– Да уж не хуже твоих. А за каким это ты, сударь мой, Башариным гоняешься? Не за тем, у кого отпрыск учится в шестнадцатой школе?

Я как можно медленнее делал вид, что привожу в порядок содержимое своей сумки.

– Точно! Ты его знаешь?

– Отпрыска – знаю. А почтенного батюшку – на родительских собраниях встречал. Ну, еще когда класс ремонтировали. Весьма популярная личность!

– Я, собственно, готов отъезжать, – сказал Александр Четвертый. Это было равносильно приказу.

– Держи, – Васька сунул мне в руку что-то вроде трамвайного билета. – Обязательно! Срочно! Пока!

Эту штуковину я внимательно изучил уже в «субару» его величества. Такие визитки безденежные люди делали себе лет пять назад – сами набирали текст на компьютере, сами простенько верстали, распечатывали на обычных листах плотной бумаги, а потом нарезали прямоугольнички ножницами. Очевидно, Васька никогда не разбогатеет настолько, чтобы заказать сотню нормальных визиток. А может, им по службе не полагается? Мент с визиткой – это что-то уж вовсе невероятное.

Сообщил он о себе следующее:

«Василий Горчаков
раб.тел. 21 3479
дом.тел. 418 288, после 23.00»

И то, и другое, и третье было чистой правдой.

Я позвонил ему сразу, как только белая «субару» доставила меня обратно в город. Я был настолько зол на Александра Четвертого, фактически сорвавшего мне съемку, что нуждался в нормальном собеседнике, у которого денег в кармане ровно столько же, сколько у меня! А желательно – меньше!

Я за ними не гонюсь. А он, Александр Четвертый, не понимает, как это можно за ними не гнаться, хотя всячески показывает, насколько презренный металл ему безразличен. Однако люди, до сих пор не побывавшие в Барселоне и Валенсии, его удивляют.

– Приходи! – сказал Васька. – Роскоши не обещаю, а «Киндзмараули» есть.

Я не понимаю, действительно ли он знает толк в винах, но водкой пренебрегает. Я ее тоже не люблю – как можно любить то, от чего пахнет медициной?

– Ее не нюхать, а пить нужно! – возражают мне обычные нормальные мужики и хохочут. Такой ответ означает, что контакт неперспективен. Чересчур стандартное мышление. О чем прикажете беседовать с групповым автором такого афоризма? *Aquila non captat muscas*.

В общем, когда я уже подъезжал к Васькиному дому, то сообразил, что завтра в восемь утра хорошо бы сдать пленки в проявку, иначе к десяти я не привезу в редакцию портретов Александра Четвертого. Получалось, что я еду с двумя пересадками на полчаса, не более. Иначе домой придется добираться на такси. И по закону подлости я обязательно проснусь в половине десятого.

Все те два с половиной часа, что мы просидели за одной-единственной бутылкой «Киндзмараули», Васька неназойливо сворачивал разговор на Башарина.

Я знал о нем немного. Сын учился в моем классе. То есть как – моем? Их классная, Ирка, как-то нелепо спланировала личную жизнь. Она собралась в декрет примерно в конце апреля – и мной заткнули дырку. Я целый месяц делал вид, будто командую недоумевающими семиклассниками, и молился Богу, чтобы после моего руководства никто из девочек не последовал по Иркиным стопам. Потом мне же пришлось организовывать ремонт класса силами родителей. По такому случаю несколько мам прислали на собрание пап – а Башарин, насколько я помнил, трудился в строительной фирме и мог помочь с материалами.

Тогда же, в начале ремонта, я и узнал, что он – ходок. У него произошел стремительный роман с мамой одной девчонки, девчонку звали Настя, а маму – понятия не имею. Впрочем, все это было прошлым летом – год назад... Много воды утекло.

– Эта мама хоть замужем? – спросил Васька.

– Знать сие мне, сударь, не дано.

– А кто знает?

– Да Ирка, наверно...

– Она уже вернулась?

– В смысле – в школу?

– Ну?

– О, если бы я имел об этом хоть малейшее понятие!

– Вы же дружили!

Ну и что? Дружили... Ну, книгами менялись. Она вела русский и литературу, я – историю. К тому же она пять лет как замужем. Общались – вот как это правильно называется. Она ушла в декретный, родила и, естественно, засела дома с младенцем. С чего бы ей раньше времени в школу возвращаться? Хотя, что у нас теперь? Сентябрь! Парню уже год и два, что ли, месяца? Могла и выйти на полставки.

Чтобы Васька не начал разбираться, почему я избегаю Ирки и вообще всего, связанного с шестнадцатой школой, я перешел в наступление. Я прямо спросил – зачем ему понадобился Башарин.

Вася у нас – ангел. Он действительно может рассказать совершенно постороннему человеку, как продвигается следствие. И он впридачу везучий ангел. Никогда еще его не карали за утечку информации. И вообще ни за что не карали. Не зная Ваську, можно было подумать, будто у него родной дядя – по крайней мере министр внутренних дел. До того начальство его любило. И до того райскую жизнь вел он в своем угрозыске.

Прослужить там столько лет, регулярно получая отпуск в летнюю пору, и, при теперешнем проценте раскрываемости, не схлопотать ни единого выговора – в этом была некая мистика.

В общем, следователь Горчаков рассказал экс-преподавателю Синицыну, как в известную фирму «Бастион» заявился киллер...

– Так и брякнул «Не знаю!»? – изумился я.

– Так и брякнул. Ребята не врут. Во-первых, оба слышали. Во-вторых, такое придумать невозможно. Во всяком случае, для них – невозможно, – подтвердил Василий. И перешел непосредственно к побегу Башарина.

Побег теоретически можно было счесть косвенным доказательством его виновности. Естественно, Вася сразу оповестил вокзал, аэропорт и дорожные посты. Когда он заявился к башаринской супруге, то обнаружил, что киллер не взял с собой паспорта. Что наводило на мысль о комплекте липовых документов, сберегаемых в тайнике до момента бегства.

– И вот что мы имеем, – подытожил Васька. – Человек, который не просто тренируется в тире, чтобы сбить с рук экзамен, а имеет определенные способности к стрельбе, мажет с трех шагов по мишени размером с бегемота. Это – раз. Два – чтобы заслать киллера прямо в охраняемое здание, нужно окончательно рехнуться. Заказчик мог до такого додуматься только

в одном случае – если нанимал человека, настолько близкого к «Бастиону», что его знает вся охрана и пропускает без проблем. В «Бастионе» работает сорок три человека. Никому из них фамилия «Башарин» ничего не говорит. Я заехал с другого конца. Башарин работает в строительно-ремонтной шарашке. Называется она «Комфорт-плюс», очевидно, где-то в антимире ей соответствует «Комфорт-минус». Никто из «Бастиона» и близко не подходил! Никогда!

– Но ведь как-то он в «Бастион» попал!

– И как-то он оттуда вылетел.

– *Hirundo volant.*

– Ворона волант, – поправил Васька, имея в виду удивительный промах киллера. – Проще всего предположить, что Башарин элементарно был пьян в сосиску. Но почему он тогда не сверзился с лестницы?

Потом я согласился позвонить Ирке – подозревая, что у нее нет телефона, но художественно делая вид, будто я его забыл. Васька не поленился, набрал номер ментовской справочной и установил истину. Ему так не терпелось раскрутить это дело, что ночь промедления казалась смерти подобной. Праведник ментовский, будь он неладен! То же самое он мог выяснить завтра днем, позвонив в школу!

К счастью, я догадался посмотреть на часы.

– Если мы сейчас дозвонимся до нее, а трубку возьмет муж, то он будет совершенно вправе охарактеризовать нас словесами неудобь сказуемыми, поскольку час суток ныне в некотором роде тоже неудобь сказуем...

Когда я начинаю вещать, меня заносит. Был случай – приняли за сумасшедшего. Васька эту особенность за мной знает и обычно переводит мои речи на русский язык. Надо полагать, в педагогических целях.

– Половина второго, – перевел он на этот раз.

Имело ли смысл ехать домой?

Даже звонить бабуле – и то не имело смысла. Зачем огорчать человека? Она, может, думает, что я с женщиной, что вот переночую у женщины, а потом, глядишь, и женюсь, будут у нее правнуки.

Устраивая мне ложе на раскладушке, Васька думал вслух – как я должен говорить с Ирккой, чтобы выпытать координаты девочки Насти?

Я же твердо знал, что мне нельзя выпытывать у Ирки ни Настины, ни какие иные девичьи координаты. Но объяснять это Василию я не хотел. Не желал, если угодно. И чтобы он звонил в школу и объяснялся с Ирккой, я тоже не хотел. Чего доброго, всплывет мое имя...

В общем, утром я ему поклялся, что сам лично во второй половине дня сообщу ему Настин адрес. Понятия не имея, как бы сей подвиг совершить.

Дело в том, что Настя имела редчайшую фамилию – Петрова. Ее папа был из довольно известной в микрорайоне многодетной семьи. Я мог позвонить в адресный стол и узнать насчет трех десятков Петровых, живущих между проспектом Комарова и улицей Демьянова. Но сильно сомневался, что несовершеннолетние члены семей состоят в этом заведении на учете. А ни одного взрослого имени я не знал. Знал бы – запомнил бы!

Я просто физически не мог войти в шестнадцатую школу!

Меня бы вахтерша тетя Люда – и та вымела поганым веником.

И рассказывать Ваське, что там со мной стряслось, я тоже физически не мог. Во-первых, он бы не поверил. Во-вторых, я и сам не понял, что это такое было.

Сдав пленки в проявку, я прямо из лаборатории позвонил домой.

– Привет, бабуля! Доброе утречко! – бодро пожелал я моей ненаглядной хозяйшечке. – Я тут загулял, у Васи остался. Помнишь Васю? Уже было поздно, не стал тебе звонить, чтобы не будить.

– А ты бы не дозвонился, Игоречек, – ласково отвечала бабуля. – Я же телефон отключила.

– А зачем ты, бабуленька, телефон отключила?

Ей восемьдесят девять лет, и она иногда устраивает сюрпризы. Однажды купила мне носки и вместе с пакетом пельменей сунула в морозилку. Был случай, когда бабуля потеряла сразу все чайные ложечки. Две недели спустя они нашлись под холодильником. Теоретически рассуждая, она их туда могла только замести веником. И так далее.

– А тебе звонили! – тут бабуля сама уловила в своем докладе несообразность. – То есть, Игоречек, сперва вечером девушка звонила, а тебя не было.

У меня в горле пересохло.

– Девушка? Она... представилась?...

– Нет, не представилась, по имени-отчеству тебя просила.

Она, подумал я, она, она! Старый я осел! Маргарита!!! Зачем я в тире вспомнил про этого треклятого Башарина?!? И почему я от Васьки сразу же не позвонил бабуле?

– И что ты ей ответила?

– Игоречек, я же думала, что ты вот-вот придешь! – если бабуля вытворяет что-то не то, у нее сразу прорезается изумительно жалостный голосок. – Я ее все просила – перезвоните через пять минут, да еще через пять минут... А потом смотрю – уже двенадцатый час... а она-то все звонит и звонит... время позднее... у меня уже глаза сами закрываются...

– Понятно...

У нее что-то стряслось. И она искала меня. А я, идиот, пил с Васькой «Киндзмараули»! Но что?!?

Я заметался – не только умственно, но и телесно, хватаясь то за телефонную трубку, то за сумку с аппаратурой, то за собственные штаны. Почему-то мне вдруг показалось, что бежать отыскивать Маргариту в джинсах неприлично – а только и исключительно в брюках! Опрокинув стул, я вспомнил, что в брюках не получится – я только вчера наконец собирался отдать их перешить.

Вроде ем немного и по науке. Однако становлюсь все солиднее. Я без комплексов, и хорошего человека должно быть много, но брюки, очевидно, с комплексами, а брючные ремни – и вовсе ретрограды. Они реагируют на каждый лишний килограмм.

Я посмотрел на часы: в это время она должна быть в школе – если только она сегодня пошла в школу! Ubi tu Gaia, ibi ego Gaius. Добежать до школы? А дальше?

И тут у меня с горя прорезалось мужество – я решил-таки командировать в школу Горчакова! Ему нужно узнать, где живет девочка Света, потому что ее непутевая мама, вполне вероятно, выведет на беглого Башарина. Вот и замечательно, сказал себе я, вот и прекрасно, раз в жизни должна быть польза и от Васьки, пусть по дороге в учительскую заглянет на второй этаж, в одиннадцатый «а» – а прочую инструкцию я ему выдам в зависимости от времени, в которое он отправится на дело! Даже если ему начнут плести легенды про меня – невелика беда, пусть только узнает, что с Маргаритой!

В его кабинете никто не брал трубку. Я позвонил дежурному – оказалось, Васька предвидел, что я буду его искать, и дал приказ – записать и передать ему всю информацию, какую мне будет угодно изложить. А сам он, видите ли, занят. Я велел ему поскорее лететь к школе. И даже время примерное назначил.

Положив трубку, я понял, что погорячился. От него до школы – рукой подать, а отсюда?

...

Значит, если я буду тут сидеть как квашня (бабулино выражение, квашня, насколько мне известно, не сидит, а стоит, ибо на чем сидеть – не имеет, ох, меня опять не вовремя заносит!...) – то поздно будет инструктировать Ваську!

Как выяснилось потом, я совершенно забыл, что в десять ждет проявленная пленка, а в половине одиннадцатого – зав. отделом журнала и макетировщик со сканером.

Ну а как прикажете нестись сломя голову туда, где меня наверняка ждет она – не голова, а ОНА? Маргарита? Держа в памяти все дела и заботы? Впрочем, я не мог бы с уверенностью сказать, что голова – при мне. Возможно, даже Васька был прав и то, чем я в тот момент думал, как он сказал мне позднее, была отнюдь не голова...

Глава вторая.

О том, как уголовщина обросла мистикой, а к этому безобразию примешалась еще и попытка изнасилования

Вася Горчаков, кроме дикой истории с киллером, имел и другие дела. И еще он в глубине души надеялся, что часть работы за него выполнят люди, никакого формального отношения к угрозыску не имеющие.

«Бастион», естественно, имел «крышу». «Крыша» за то и стригла купоны, что якобы обеспечивала условия работы фирме – чтобы, по крайней мере, никто другой из той же братии не наезжал! И тут вдруг – такой основательный наезд! Идиотский, правда, но все же... Ради своего собственного реноме «крыше» полагалось совершить какие-то телодвижения и по своим каналам попробовать найти заказчика. Во всяком случае, предъявить кандидатуру, которая бы всех устроила.

Или же доказать, что киллер – обыкновенный шизофреник, живущий по принципу «дважды два – сковородка», и с тем же успехом мог забрести в любую другую контору.

Но официально беглого Башарина искать полагалось все же Васе.

И совсем уж было собрался он выходить из кабинета, как зазвонил телефон.

– Горчакова позовите! – потребовал молодой, приятный, по-детски взволнованный голос. – Это мы, Саша с Лешей! Тут у нас опять какой-то киллер бродит!

– По «Бастиону», что ли? – Вася ушам своим не поверил, однако Саша с Лешей, говорившие почему-то не хором, а всего одним голосом, подтвердили – да, вокруг бродил и вовнутрь заявился!

Очевидно, получив нагоняй с двух сторон – от Ротмана с приближенными и от «крыши», которой тоже полагалось как-то свою заинтересованность проявить, ребята довели бдительность до маразма.

– Кому-нибудь про этого киллера говорили? – первым делом поинтересовался Вася. Охранники были ему симпатичны, он не хотел, чтобы энтузиазм сделал обоих посмешищем.

– Нет, вам – первому.

– Ну и что он из себя представляет?

– Парень, молодой, в черных штанах, в черном свитере.

– Лицо тоже было?

– Лицо такое... черноватое...

– Рост?

– Ну... малый рост...

Тут в трубке произошла дискуссия. Леша с Сашей выясняли, метр семьдесят – это для мужчины много или мало. Пришли к выводу, что в парне было примерно метр семьдесят пять. Телосложение? Ничего особенного.

– Это все не приметы, – хмуро сказал Вася. – Что он, этот киллер, делал?

Оказалось – черноватый юноша сперва прогуливался вокруг «Бастиона», и не просто так, а сверяясь с бумажкой, даже с целым блокнотом, который держал в руке. И более того – делал в блокноте пометки! Ребята видели его в окошко и сразу заподозрили неладное.

Потом он вошел вовнутрь.

– Вы что, не спросили, кого ему нужно? – удивился Вася.

– Спросили!

– И к кому же он шел?

– Я не помню! – наконец-то сказал за себя в единственном числе то ли Саша, то ли Леша. – Он точно называл какую-то фамилию! И я его пропустил!

- Вы разве не звоните наверх, когда приходят незнакомые посетители?
- Звоним. Но он сказал, что его ждут, что ему время назначено...
- Ясно... – естественно, ничего Васе не было ясно. – Ну, впустили. Как выходил, видели?
- Нет! Он еще там!
- Так, может, у него там, наверху, действительно деловая встреча?
- Нет у него никакой встречи!

В «Бастионе» было более сорока сотрудников. И всех Ротман собрал в своем кабинете, как делал это раз в месяц, чтобы оптом поздравить юбиляров и вручить им от фирмы маленькие подарки. После чего распивалось шампанское. Для таких случаев кабинет запирался изнутри, потому что посторонние на семейном торжестве были ни к чему, и даже секретарша Асенька покидала боевой пост. То есть, посетитель должен был сидеть в приемной и ждать. Причем ждать недолго. Мероприятие длилось не более получаса. И о нем обычно знали заранее.

Если бы кто-то назначил постороннему встречу, так не в это время, или же предупредил бы – мол, если меня нет, подожди малехо, я поблизости!

Незнакомец в черном прибыл на второй этаж, когда двери кабинета уже закрылись. И пропал. Его уже полчаса как нет. Саша лично поднимался наверх и прошел по пустым кабинетам – нет! Словно сквозь землю провалился!

- Значит, черноватый, говорите?...
- Да, такой, такой... вроде наших системщиков...

Крупные и спортивные охранники смотрели на щуплых компьютерных мальчиков с некоторым недоумением. Они понимали, что тут на первом месте интеллект, но не верили, что можно жить интеллектом единым.

- Никакой это не киллер! – решил наконец Вася. – Наверно, какой-нибудь очумелый компьютерщик. С нечленораздельной речью. Вот и все. Прекращайте панику. Тревога отменяется.
- Киллер, – вдруг уверенно сказал то ли Леша, то ли Саша. – Я по глазам вижу.
- У него были глаза киллера? – уточнил Вася.
- Да. У него были глаза киллера.

Поскольку фантазии охраннику не полагается, ему не за это деньги платят, оставалось предположить, что оба парня честно спятили. Или же – интуиция. У простых душ она иногда прорезается.

– Вот это уже серьезнее, – сказал Вася. – Он все еще там? Мне как раз в ваши края нужно. Я через четверть часа загляну и разберусь.

Оставив дежурному инструкцию примерно такого содержания – будет звонить один тип по делу «Бастиона», так ты долго его не слушай, а запиши главное, – Вася поспешил к ребятам.

«Бастион» занимал второй и третий этажи старого пятиэтажного здания. Вход туда был отдельный, охрана сидела внизу. Но, чем черт не шутит, вдруг имелась какая-то никому, кроме киллеров, неведомая дыра? Через нее проник Башарин. Через нее мог уйти черноватый незнакомец – хотя, какого лешего он в таком случае появился через официальный вход?

Кроме того, Вася просто хотел успокоить ошалевших ребят.

Они встретили его, как оголодавшие полярники – вертолет с продовольствием.

– Ну, кто меня проводит? – спросил Вася, надеясь, что прозвучат имена и он наконец поймет, кто тут Сашка, а кто – Лешка.

– Я провожу, – сказал тот, что малость покрупнее и в плечах потяжелее. – Значит, так. Поднимаемся на второй этаж. Там сразу с лестницы – вход в приемную, а от приемной – два коридора. Может, я еще раз пройду по кабинетам, а вы посмотрите?

– Можно, – согласился Вася. Пожалуй, стоило убедиться, что странный гость с глазами киллера не сидит в углу, спрятавшись за монитором, и не гоняется с бластером за неземными бандитами.

На втором этаже в коридорах и кабинетах гостя не было, и на третьем – равным образом. Не постеснялись и в дамский туалет заглянуть – пусто!

– Ну вот! – с торжеством подытожил то ли Сашка, то ли Лешка. – А больше ему быть негде! Спрятался!

– Или проскочил, – поубавил ему энтузиазма Вася. – Не нравится мне это. Давай-ка зайдем к Ротману. Может же такое быть, что он у Ротмана в кабинете?

– Аська сказала – после шампанского никого к шефу не впускала.

– Она и в тот раз клялась, что никого не впускала.

Разумеется, девушка не пожелала их пускать просто так. Она позвонила Ротману, некоторое время слушала гудки в трубке – и вдруг уставилась на Васю с тревогой и надеждой.

– Он же не выходил! – воскликнула Асенька. – Честное слово, не выходил! И у него там никого нет!

– Он там! – заорал Леша-Саша и бросился к двери, Вася – за ним. Дверь оказалась заперта изнутри, а делали ее на совесть – бревном не вышибешь.

– Вот ты, голубчик, и попался! – Васю охватил азарт. – Никуда ты теперь отсюда не денешься! Куда выходят окна кабинета? На улицу? Во двор?

– На улицу! – проникнувшись азартом, завопила хрупкая Асенька.

И на этот вопль из кабинетов стали высовываться головы.

– Беги вниз, блокируй вход! Я сейчас вызову оперативников, и тогда посмотрим!...

Вася много бы чего накомандовал в пылу сражения с киллером, но дверь вдруг неслышно распахнулась.

И поздно было хвататься за кобуру – тот, кто странным образом просочился и в «Бастион», и в кабинет, стоял на пороге, имея в опущенной руке поблескивающий ствол.

Он был именно таков, как описали Сашка и Лешка: среднего роста, в черном тонком свитерке, заправленном в мешковатые штаны, с узким лицом, похожий на подростка, которому еще только предстоит нажать крепкие плечи, мощные руки и прочие мужские достоинства. Хотя меньше двадцати Вася бы ему не дал. И еще – был он задумчив. Раскручивал в голове какую-то важную мысль, как будто не видя и не слыша всего переполоха.

Непостижимым образом он своим молчанием всех окаменеть заставил.

Оцепенение длилось секунды три-четыре. А потом странный парень поднял голову, обвел взглядом обалдевшую толпу, выделил среди всех Васю, явно им заинтересовался и посмотрел в глаза.

Сперва это был просто внимательный взгляд – мол, кто ты и зачем стоишь у меня на дороге? А потом зрачки сделались неуловимы. Тонкая иголка уперлась Васе чуть повыше переносицы. Вместо глаз он видел только сведенные черные брови и морщинку между ними. Захотелось отступить назад – километра на два по меньшей мере.

– Ладно, – негромко сказал парень. – Живи уж. Не ты мне нужен.

Помолчал и добавил:

– Только инкуба не трогай. Он – мой.

После чего прошел мимо Васи, как мимо придорожного столба, и, чуть отстранив рукой Сашку-Лешку, скрылся на лестничной клетке. То, что он держал в руке, только показалось Васе стволом – это был блестящий металлический прут, изогнутый под прямым углом, и та его часть, что торчала из кулака, достигала сантиметров, наверно, тридцати.

Парень даже не пытался бежать – шаги по ступенькам были бесшумны. Он уходил спокойно, как человек, заявившийся по вполне приличному и невинному делу.

Первой опомнилась Асенька.

– Валерий Яковлевич! – вскрикнула она, через раскрытую дверь заглянув в кабинет. – Что с вами???

Ротман сидел за столом, глядя прямо перед собой. Он был жив, но жив как-то странно. Функционировал – дышал, обменные процессы в организме тоже, наверно, совершались, – однако не соображал.

Его хлопали по щекам, трясли, даже нашатырный спирт раздобыли, но зазвонил телефон – и Валерий Яковлевич, как ни в чем не бывало, схватил трубку.

– Да я это, я! – вполне бодро и безмятежно сказал он незримому собеседнику. – Как и договаривались восемнадцать и тридцать пять. Из расчета семь, семь и по двадцать сверху. Четыреста и потом еще триста пятьдесят. И за номером сорок семь-а. Минус эти проклятые восемнадцать! Что? Сорок!

И нажал на кнопку.

Вася подумал, что это смахивает на шпионский шифр. «Сорок» может означать «до выхода на связь». И тут же он одернул себя – ситуация хуже некуда, а он фантазирует вроде Игореси за бутылкой «Киндзмараули»!

– Это был гипноз! – услышал Вася даже не в самом ухе, а чуть ли не в собственном рту. Шепот Сашки или Лешки был таков, что обдавал жаром и пронизывал бедную голову насквозь.

– Точно, гипноз, – согласился Вася, стараясь как можно незаметнее исчезнуть из кабинета. Зачем стрелять в президента фирмы – это он, следовательно, еще мог понять. А вот зачем гипнотизировать? Может быть, Ротман только что подписал какие-то суперважные документы?

– Кто его зам? – резко разворачиваясь, спросил Вася.

– А вот!

Замом оказалась женщина более чем средних лет.

– Следовательно угрозыска Горчаков, – отрекомендовался Вася. – Погодите, не кричите, нужно срочно связаться с вашим банком и наложить вето на все операции!

А ведь она и впрямь собиралась закричать – в присутствии представителя угрозыска черт знает кто беспрепятственно колдует в кабинете самого Ротмана и преспокойно удаляется!

К счастью, женщина оказалась из того же теста, что и Ротман. Слово «банк» было для нее более свято, чем молитва. И она даже не задала ни одного вопроса – сама сообразила, для чего это вето.

Вот теперь можно было спокойно сматываться. Вася только набрал номер дежурного и узнал, что Синицин действительно звонил, более того – сперва поганец всеми силами исхитрялся, чтобы Вася не наносил визита в школу, теперь же – как раз наоборот, сам его туда гонит!

– Василий Федорович! – зашептал Сашка-Лешка. – Что это такое – инкуб?

– А черт его знает... – машинально отвечал Вася, и вдруг заткнулся. Точно – черт его знает! Поскольку инкуб – это что-то вроде злого духа. В какой-то книге попадался! Вроде бы сексуально ориентированный. Действительно – кроме черта знать его некому. Впрочем...

– Только инкуба не трогай, – сказал киллер, гипнотизер, или кем там он был. – Он – мой.

Очень любопытно, подумал Вася, как это работник угрозыска может трогать инкубов? Чем? Которым местом?

Какое отношение может инкуб иметь к Ротману?

И почему с этим странным сообщением адресовались именно к Василию Горчакову?

Было над чем Васе поломать голову, спеша к шестнадцатой школе.

Школа была современная, белобетонная, с площадкой перед входом, выложенной бетонными же плитами. И плиты уже порядком крошились. На приличном отдалении торчал киоск, где школьники могли запастись интересными журналами, пивом и презервативами. Вася нарочно пошел через площадку так, чтобы заглянуть в витрины и оценить ассортимент. Точно – все три позиции имелись.

И еще четвертая...

Из-за киоска высунулась знакомая круглая физиономия.

– Я тебя жду, жду, и от ожидания мозги мои, как весьма непривычные, плесенью покрываться стали... – взволнованно зашептал Игорь. Как всегда, в минуты тяжких испытаний его несло. – И если бы ожидание мое в камне воплотить, то Родену бы сие и не снилось, так что...

– Короче! – рявкнул Вася.

– Тебе все необходимое скажут в учительской, – перешел на человеческий язык Игорь. – Так ты потом пройди чуть дальше и заверни за угол! Там сразу же будет дверь, и на ней табличка – одиннадцатый «а». Ты туда загляни и попроси Маргариту Бояринову!

– Она что преподает?

– Она не преподает! Она... ну, учится...

– Ну и что мне сказать этой Маргарите Бояриновой?

– Что Игорь... ну, Игорь Петрович... но можно просто – Игорь, она поймет... в общем, я ее тут, за киоском, жду и очень беспокоюсь!

Вид у Игоря Петровича был, мягко говоря, безумный. И не только в смысле физиономии – на бывшем учителе имелись рубаха и штаны какого-то совершенно немужского цвета, лило-вато-розового, только что не в цветочек. А когда он обеими руками вцепился в левый рукав Васиной форменной рубашки, то и вовсе сделался похож на беглеца из Бедлама.

– Ты спятил? – воскликнул Вася. – Пойди сам в этот одиннадцатый класс и говори там все, что хочешь!

Вовсе не желая назначать свидания для человека, по которому Бедлам плачет, он сделал изящный финт левой рукой, сбил дурацкий захват и поспешил прочь от киоска.

– Вася! Вася! – позвал, высунувшись, Игорь. – Ты просто скажи, что я ее жду!

И тут же спрятался.

Не задумываясь, для чего Игорю вся эта дурацкая конспирация, Вася и до дверей дошел, и в холле оказался, и к лестнице устремился, но был перехвачен женщиной, которую только патентованный кретин принял бы за что-то другое, кроме учительницы. Васе не доводилось мыться в женской бане, но, наверно, и там любая посетительница, увидев сквозь серый пар эту крепко сбитую, плотную, ровную, как ствол сосны, низкозадую фигуру, подсознательно сказала бы себе – осторожно, учительница...

– Вы к кому? – спросила эта женщина в темно-синем костюме, прямом и скучном, как асфальтированное шоссе. – Если вам нужен кто-то из педагогов – я вас провожу в учительскую.

– Мне нужна Ирина... Ирина... – тут Васю осенило. Он же напрочь забыл спросить у Игоря Иркину фамилию, не говоря уж об отчестве.

– Ирина, а дальше?

– Собственно, мне нужна не она лично, – тут Вася счел нужным достать и показать свой документ. – У нее в классе учится девочка, Настя Петрова. Мне нужно задать один вопрос этой Насте.

– Задать вопрос Насте вы сможете только в присутствии классного руководителя и родителей! – учительница настолько обрадовалась, что может перейти в нападение, что даже этой радости не скрывала.

– Вот и замечательно, – сказал несколько удивленный Вася. – Мне даже скорее нужны ее родители, чем она сама.

– Ее родители? – в голосе учительницы послышалось разочарование.

– Ну да. Может быть, вы мне дадите их домашний телефон? И скажете, как их обоих по имени-отчеству?

– А домашнего телефона я вам не дам!

– Почему? – поведение этой тетki казалось Васе все более странным, но он знал, что в чужой монастырь со своим уставом не лезут, и не хотел лишний раз пускать в ход авторитет своего ведомства.

– Потому что вы позовете не родителей. а саму Настю, – вполне убежденно заявила учительница.

– Ну и что же тут криминального?

Вася честно не понимал, какую амбразуру норовит закрыть своим телом эта злобная тетка, а сама она, видимо, была уверена, что загнала его в тупик и что его ответ – признак поражения, отступления и скорого бегства. Поэтому она выдержала паузу – с ее точки зрения, идеальную, а с Васиной – идиотскую.

– А что тут криминального – спросите у вашего друга!

– У которого? – Вася подумал, естественно, о сослуживцах.

– А у того, что за киоском прячется!

Мимо с гвалтом пронеслась толпа подростков, вся разом пропихнулась в двустворчатую дверь и унеслась по выщербленному бетону.

Так, подумал Вася, за нами следили. Но знать, что я заявлюсь в гости, эта мымра не могла. И вообще она меня впервые видит. Значит, она в окно высмотрела Игорешку. Но, поскольку она – дама занятая, часами сидеть на подоконнике не станет, то вывод один – Игорешка тут околачивается уже довольно давно, это – раз, и околачивается не впервые, это – два...

Что натворил этот безумец?

– Вы имеете в виду Игоря Синицына? – профессионально бесцветным голосом осведомился Вася.

– Да, я имею в виду Игоря Синицына.

– Который полтора года проработал в этой школе?

– Вот именно – полтора года. Теперь вы понимаете, почему я не могу допустить, чтобы он узнавал телефоны наших учениц?

– Нет, не понимаю, – жестяным голосом отрубил Вася. Тетка стала его раздражать. – Я был бы вам признателен, если бы вы объяснили, в чем дело.

– А ведь это я могла бы потребовать у вас объяснений, – тетка, похоже, совершенно забыла, что имеет дело с представителем угрозыска. – Приходите, ничего не объясняете, требуете сведения об ученице, требуете ее телефон! Я вот сейчас пойду позвоню вашему начальству и узнаю, действительно ли вас сюда послали!

– Хорошо, – сказал на это Вася. – Звоните. Но если через двадцать четыре часа вам придется искать себе другую работу, и не в системе образования, – не жалуйтесь.

– Что?!.

– То, что слышали. Умышленно создавать препятствия для следствия, скрывать важного свидетеля, угрожать представителю органов власти – этого всего, по-вашему, больше нет в уголовном кодексе? – не получив на свой риторический вопрос никакого ответа, Вася перешел в атаку. – Я не хочу тратить время на глупые препирательства. Через полтора часа я буду здесь с представителями РОНО и специалистом по психологии подростков, в чьем присутствии будет произведен допрос. Кроме того, будет интересно узнать, кто и сколько получил от хозяев газетного киоска за то, чтобы не вмешиваться в торговлю порнографией, спиртными напитками и наркотиками в десяти метрах от школы! Газеты будут просто счастливы опубликовать такой материал. Всего доброго!

Вася развернулся и зашагал к дверям.

Он знал эту гнусную породу склочниц, отточивших языки на беззащитной публике и теряющих всякое соображение, если повезет напороться на строгое сопротивление.

– Пойдите, пойдите! – завопила учительница. – Какой киоск? Я впервые слышу про киоск!

– Тот самый, возле которого вы заметили меня с Игорем Синицыным, – напомнил Вася, остановившись, но повернув только голову и всем видом показывая – уйду, уйду, и через полтора часа ждите меня с наручниками.

– Да постоит же! – учительница забежала вперед. – Это все – одно недоразумение! Сейчас я вам все объясню.

– Порнографию я видел своими глазами. Пока я не привезу верхушку РОНО и прессу, Игорь присмотрит, чтобы никто из вас не предупредил киоскершу.

– Хорошо, пусть пресса приедет! У меня тоже найдется, что ей рассказать!

– Что вы имеете в виду?

– То, почему ваш друг Синицын вылетел из нашей школы!

Тут Вася очень кстати вспомнил одну испанскую поговорку из арсенала Игоря. Весьма нелепо, имея стеклянную крышу, гласила поговорка, кидать булыжниками в соседей.

– Я полагаю, это несоизмеримо с наркотиками в газетном киоске, – возразил он, не желая показывать, что крыша-то и у него – стеклянная.

Учительница задумалась.

Очевидно, она была все же лучше, чем показалась с первого взгляда. Возможно, в своей студенческой молодости она даже играла в карты. И сейчас дело явно дошло до размена козырей.

– Я думаю, лучше нам обо всем этом побеседовать не тут, а в учительской. Меня зовут Марья Геннадьевна.

– Там полно народу, – как можно более брюзгливо ей возразил Вася. – Меня – Василий Федорович. Нам будут мешать.

– Урок уже начался.

И она действительно привела следователя в учительскую, где, кроме необъятного круглого, еще сталинских времен, стола имелся еще уголок отдыха, недорогой, правда, но расположенный искусно – чтобы действительно те, что исхитрятся туда пролезть между шкафами, оказались отрезаны от внешнего мира.

С учительницей, стоило ей сесть в кресло, сделалось что-то странное. Вася бы даже назвал это перевоплощением. Видимо, она связывала низкие кресла и журнальный столик с образом дамы, принимающей в салоне высокопоставленных гостей. В холле школы можно собачиться и грубить. В салоне, пусть даже выгороженном обшарпанными шкафами, – томно язвить и выделяться под графиню.

– Значит, вы не знаете, почему ваш друг вынужден был покинуть школу?

Артисткой, выдающейся артисткой была Марья Геннадьевна! И Вася слишком поздно понял это. О-о, как она выговорила слово «друг», у нее даже шею перекорежило, физиономию наискосок развернуло и рот набок поехал! А как торжественно прозвучало «вынужден был»! А сколько шипу подпустила она в эту невинную фразу! Ровно столько, сколько нужно, чтобы прозвучало зловеще, но ни в коем случае не навело на мысль о гадюшнике.

– Очевидно, он не ужился с творческим женским коллективом, – предположил Вася. Его интонации ему самому были противны, но ничего не поделаешь, салон есть салон.

– С коллективом он как раз неплохо ужился, – неторопливо кивая, сообщила Марья Геннадьевна. – Он ведь вежливый! И стульчик пододвинет, и пальто подаст!

В последние слова она влила все презрение, на какое только должна быть способна простая, но глубоко порядочная женщина.

– Вообще-то я сам женщинам пальто подаю, – Вася был невозмутим, как деревянная вешалка для этих самых благопристойных и неприметных учительских пальто, которую он приметил у дверей. – Криминала пока не вижу.

– Вот и мы не видели! – судя по голосу, близилось торжество справедливости. – А он – вы не поверите, но он!...

Главное – вовремя сделать паузу, подумал Вася, вот она замолчала – и я должен подумать, что Игорешка по меньшей мере спер у всех этих теток норковые манто! Прямо отсюда. Ну, она эту паузу затеяла – она ее пусть и тянет.

– Вы не поверите!... – актерским чутьем угадывая, что молчание не должно быть слишком долгим, воскликнула Марья Геннадьевна.

Вася молчал.

– Конечно же, вы такого от своего друга не ожидаете. И тем не менее...

Вася не хотел вопросами облегчать Марье Геннадьевне тяжкий труд провозглашения истины. Кто кашу заварил – тот ее пусть и расхлебывает.

– Конечно, вы мне уже заранее не верите! – решительно заявила учительница. Вася оценил ловкость хода. Теперь его молчание уже пахивало бы потомственным кретинизмом.

– Да вы хоть намекните, в чем дело, – спокойно попросил он.

– Да чего уж тут намекать. Этот ваш друг, Игорь Петрович, попытался изнасиловать школьницу.

Тут Вася даже рот приоткрыл.

Он допускал, что у тихих и безобидных людей кипят в душе и ниже пояса бурные и темные страсти. Но... изнасилование?... Ничего себе стеклянная крыша!

И ничего себе кроткий безумец Синицын!

Причем Марья Геннадьевна не врала, он видел это явственно.

– Откуда это стало известно? – строго спросил Вася.

– Он давно уже за ней увивался. Это все заметили.

– Как увивался?

Вася действительно не мог себе вообразить процесс ухаживания учителя за ученицей.

– Ну... Просил после урока задержаться. Когда она отвечала – он с ней по двадцать минут общался. Весь класс на головах ходит, а он с ней воркует!

Вася вздохнул – вот это действительно было похоже на Игоря... Марья Геннадьевна привела-таки настоящее доказательство.

– А что за девочка-то?

– Хорошая девочка, из приличной семьи, Маргаритой зовут. Очень милая девочка. Такая чистая, знаете, совершенно несовременная! Трогательная. Стихи прямо замечательно читает!

– И сколько же хорошей девочке лет?

– Шестнадцать! – с вызовом на смертный бой, как латную рукавицу, швырнула Васе в лицо эту цифру Марья Геннадьевна.

Вася вздохнул – на каком же свете живет это несчастное чудовище? Газет оно, что ли, не читает? Или опять – этюд по актерскому мастерству?

Итоги рейда, проведенного ровно неделю назад на проспекте Падших Бабцов... тьфу, Павших Бойцов... В общем, из семидесяти с небольшим повязанных девчонок явно несовершеннолетнего вида ровно тридцать девять были моложе шестнадцати. И даже две тринадцатилетние попались.

Проспект был одновременно и проблемой для милиции, и большим ее облегчением. Проблемой потому, что именно его выбрали для своих вечерне-ночных дел местные путаны и их покровители. Облегчением – все, включая милицию, знали, где эту публику искать.

А по данным городских гинекологов, шестнадцатилетняя девственница в школе стала таким же редким явлением, как фирма, выплачивающая все налоги.

Но спорить с педагогом Вася не стал.

– Шестнадцать... – задумчиво повторил он. – Ну, и что же произошло?

– У нас проводили новогоднюю ночную дискотеку для старшеклассников, – весьма неодобрительно сообщила Марья Геннадьевна. – Старый новый год отмечали, теперь это модно. Педагоги дежурили. Ну и вот...

– Прямо на дискотеке?

– Да нет же! У нас комната есть на третьем этаже, ну, не комната, а такой чулан, что ли, она всегда заперта... Даже не знаю, как вам объяснить...

– Да вы прямо говорите.

– Ну, в общем... там есть диван. И он ее туда увел. Как потом оказалось.

– Пока я не вижу состава преступления.

– Она с криком вырвалась оттуда и побежала вниз по лестнице! Если бы вы слышали, как она кричала! Ее остановили мальчишки. Она была... она была... ну, у нее платье было на плече разорвано, вот так...

Марья Геннадьевна показала. Получалось, что девчонка неслась по лестнице, голая по пояс.

– Мальчишки вбежали в комнату, а он – там! И ничего не может объяснить! На следующий день он подал заявление. После беседы с директором. У нас очень умная директор, она не захотела шума поднимать, – Марья Геннадьевна поджала губы и всей мимикой изобразила чувство собственного достоинства. – Но в школе ему больше не работать. Это од-но-знач-но! Больных на голову нам тут не надо.

– Ваша директор действительно умница, – согласился Вася. И понял, что попытки дойти до одиннадцатого «а» обречены на провал. Марья Геннадьевна, помня, что за киоском торчит насильник, проводит его дружка до трамвайной остановки и убедится, что так называемый следователь уехал.

– У нее тридцать пять лет непрерывного стажа, – с гордостью сообщила Марья Геннадьевна.

– В таком случае давайте договоримся. Вот мой рабочий телефон, – Вася достал самодельную визитку. – Я вас очень прошу организовать звонок от мамы Насти Петровой. Это действительно очень важно. Зачем нам впутывать РОНО? Я вам даже больше скажу – вы ведь за новостями следите? Знаете, что стреляли в президента фирмы «Бастион»?

Глаза Марьи Геннадьевны выразили живейший интерес. Естественно, подумал Вася, с этого и следовало начинать. Прекрасная и полная приключений жизнь пролетает мимо школы. Да если пронюхать или подсмотреть хоть что-то, о чем телевизор промолчал, – об этом же три дня можно толковать за сталинским столом! Ну, ладно, такого добра не жалко...

– Подозревается один человек, – тут Вася поднял палец, – и есть основания полагать, что именно его видели в обществе Насти Петровой и ее мамы... – тут он задумался, делая вид, будто припоминает, – двадцать шестого августа сего года.

– Двадцать шестого августа... – зачарованно повторила Марья Геннадьевна и поклялась, что сегодня же свяжется с Настинной мамой.

Как Вася и предполагал, его проводили до остановки. И он уехал, исполненный не просто злорадства, а подлинной злости на Игоря, который влип в самую идиотскую, какую только можно вообразить, историю, и отправил лучшего приятеля в змеиное логово совершенно безоружным.

Вот пусть теперь и торчит за киоском хоть до морковкина заговенья, подумал Вася, вот пусть и бежит за трамваем в своих дурацких розовых штанах! Думать тоже иногда не вредно...

Глава третья.

О том, как полезно некоторым следователям при ловле сексуальных маньяков играть в «пазлс» и совещаться с отставными деканами

– Слышал? – спросил Васю стажер Уфимский, сидя с сигаретой в углу возле огнетушителя.

Вася если и курил – то по большим праздникам, поэтому угол, который начальство официально отвело для разврата, проскакивал шустро.

– Чего – слышал? – Вася неохотно притормозил.

– Поздравь – давно у нас сексуальный маньяк не заводился! Почитай вчерашнюю сводку.

– Чтоб он сдох! – буркнул Вася.

Это сокровище в единственном лице было сопоставимо с дивизией хорошо обученных киллеров.

Перестреляй киллеры хоть всех банковских президентов и коммерческих директоров в городе – общественное мнение и газеты на следующий же день забыли бы об этом. Поскольку народ имел свою незыблемую оценку таких событий: так им, сволочам, и надо.

Но стоило дважды в одном районе, будь это хоть проспект Падших Бабцов, покуситься на чью-то невинность, как в воздухе надолго повисал крупными черными буквами вырубленный вопрос: КУДА СМОТРИТ МИЛИЦИЯ???

Предстояло гонять патрули по темным переулкам, опрашивать безумное количество всякого постороннего и вконец завравшегося народа, снимать пальчики с каждой пустой пивной бутылки в радиусе ста метров от померещившегося кому-то вопля преследуемой невинности, и так далее.

У вновь объявившегося сексуального маньяка был свой почерк. Именно почерк – с двумя женщинами, которым чудом удалось избежать беды, он вел себя совершенно одинаково. Сперва преследовал какое-то время, дыша в затылок, потом, стоило женщине свернуть с людного места в тихий переулок, обгонял, загораживал дорогу, надвигался всей широченной грудью и радостно восклицал:

– Люсенька!

Женщина пыталась оправдаться – мол, не Люсенька и никогда ею не была, – но маньяк, все еще радостно, наступал и прижимал к стене со словами:

– Люся! Я уже второй квартал за тобой иду!

После чего маньяк начинал плести околесицу. Клялся, что вместе с жертвой прошлым летом откуда-то ездил в Москву. Упоминал в качестве аргумента настоящее хохляцкое сало с чесноком, каковым жертву в вагоне угощал. Утверждал, что не раз и не два звонил по оставленному ею телефону, но к трубке подходила какая-то глухая бабушка. Называл себя, кстати говоря, Геной. И нависал над жертвой, как горный утес, всячески пытаясь ей понравиться своими внешними данными.

Мужчина он был видный, это обе потенциальные жертвы признали, крупный, мощный, с грубоватым, но правильным лицом. Одна, правда, со зла выразилась «морда – кирпичом», но согласилась, что уродом маньяка назвать трудно.

Обе отметили черную шелковистую рубашу, расстегнутую до пупа, обшелкивающие бедра штаны и обувь с какими-то блестящими заклепками. Похоже, речь шла о ковбойских сапогах с имитацией цепочек и шпор.

Одна женщина как-то извернулась и кинулась бежать, другая догадалась завопить. На свое несчастье, мимо проходил ее знакомый. Он подбежал, схлопотал от насильника в челюсть, рухнул на асфальт, народ кругом загалдел, а маньяк унесся огромными прыжками.

– Такой вот подарочек! – завершил Уфимский.

– На нашу голову... – проворчал Вася.

То, что теперь все, способные держать оружие, будут брошены в погоню за маньяком, он не сомневался. Даже те, на ком висят загадочные киллеры из «Бастиона»...

Зазвонил телефон.

– Следователь Горчаков, – привычно-казенным голосом сообщил Вася.

– Это вас по поводу Вали Башарина беспокоят.

Голос женский, женщина немолодая. Мать, что ли?

– Я вас внимательно слушаю, – сказал Вася.

– Мой зять, Боря... Борис Жуков...

– Знаю. Друг Башарина.

– Ну да! Так вот, вы все искали Валю, а он вчера к нам приходил. То есть, я полагаю, к моему зятю приходил. Я увидела его в окно, сразу пошла открыть дверь, а он... Ну, в общем, сбежал.

– Вы хотите сказать, что Башарин подошел к дому, развернулся и ушел? – уточнил Вася.

– Да нет же! – тут только в голосе, бывшем до той поры трогательно-застенчивым, вплоть до спотыкания, прорезались очень даже неприятные нотки. – Он поднялся по лестнице, я встретила его в дверях – я человек пожилой, у нас коридор длинный, я как его в окно увидела, сразу пошла открывать, – так вот, он повернулся и как понесется вниз!

– Он чего-то испугался? – предположил Вася.

– Меня он испугался! Понял, что я ему сейчас все выскажу! Вляпался, бездельник, в очередную историю! Опять ему какой-то муженек собрался морду начистить! Мало того, что сам, как блудливый кот, – еще и Борьку за собой тащит! А того куда потянешь – туда он и тащится! Зять то есть!

– А как Башарин был одет?

– Как дурак! Мужику уже под сорок – шастает с голым пузом!

– То есть, черная рубашка была расстегнута?

– Весь в черном – тоже мне красавец мужчина! И в дурацких сапогах! Кто в сентябре в такие сапоги влезает, хотела бы я знать?

– В черных сапогах? – Вася сохранял привычное хладнокровие.

– В черных... – не слишком уверенно отвечала жуковская теща.

– Спасибо, вы очень помогли следствию.

Теща пыталась еще что-то рассказать про парочку дармоедов и неудачников, Вальку Башарина и Борьку Жукова, но Вася умел прекращать такие разговоры. И прекратил.

А потом, положив трубку, отпустил мысли на свободу. Через два дня полагался аванс, можно было позволить себе очередную роскошь – тысячу двести пятьдесят пестрых загогулин, которые вместе должны были составить невозможно красивый старинный французский замок в долине Луары на фоне июльского полдня.

Вася давно вышел из детского возраста, однако в последний год пристрастился к собиранию «пазлс». Возможно, это уже было классической блажью завтрашнего старого холостяка. Он по крайней мере раз в месяц покупал большие и дорогие коробки, а получившиеся панно заботливо покрывал бесцветным лаком. Это невинное хобби заменяло ему телевизор – о чем, кстати, никто на работе не знал. На работе были другие игрушки, не такие трудоемкие, – так, полгода назад все, включая полковника Андрея Евгеньевича Сорокина, увлеклись дротиками. Были куплены вскладчину два больших круга «дартс» и дорогие тяжелые стрелки-дротики, проводились целые чемпионаты, а кончилось это чуть ли не трагически. Один круг был подве-

шен на двери, и вечером, в такой час, когда посетителей ждать уже не приходилось, одновременно один из участников турнира метнул зеленую стрелку – и стремительно отворилась дверь.

Перед окаменевшими сотрудниками стояло самое что ни на есть высшее начальство, генерал Каменский, а в его меховой шапке торчало зеленое пластмассовое оперение. Если бы генерал был на два сантиметра выше – остался бы без глаза.

Вася, неизменно бывший в тройке победителей, очень жалел об утраченной забаве.

Так вот, он стал собирать по вечерам, в тех редких случаях, когда они оказывались свободны, большие панно из маленьких загогулин. Иногда до часа уходило на поиски соседок-выкрутасинок. И Вася порядком наловчился – впервые раскидав по столу пятьсот загогулин, он уже точным движением руки вытаскивал и составлял первые осмысленные сочетания.

Теперь же он замахнулся на тысячу двести пятьдесят!

Тренированные мозги вдруг активизировались.

Киллер из «Бастиона» с мордой кирпичом и в расстегнутой до пупа черной рубашке совместился с маньяком, которому вынь да положь Люсеньку! Сексуальная энергия перла из образовавшейся фигуры до такой степени, что притянула и уложила в ту же связку парня-гипнотизера, приказавшего не трогать инкуба. Сам инкуб, сексуально ориентированный злой дух, своим рельефом совпал и идеально вписался в репутацию неисправимого ходока Башарина, а Башарин в своих возрожденных к новой жизни ковбойских сапогах составил единое целое с киллером!

Картинка наметилась!

Правда, понять, что такое на ней нарисовано, Вася пока не мог. И вообще все это мелькнуло в голове и пропало. Однако ощущение, будто киллер, маньяк, инкуб и ковбойские сапоги как-то связаны, осталось.

Но, как собирание панно «пазл» начинают с двух загогулин, так и Вася стартовал с самого короткого, во-первых, и лично им зафиксированного, во-вторых, эпизода.

Это была встреча с черноватым, как его обозвали охранники, парнем.

Вася вызвал в памяти легкую, худощавую фигурку в мешковатых штанах, с отрешенным лицом, со стволом в опущенной руке. Если он – киллер номер два, то какого черта не пристрелил Ротмана окончательно?

Почему-то Вася сразу понял: если этот парень поставил себе цель, то он ее достигнет. Надо полагать, его целью было вовсе не убийство. И не подпись Ротмана на банковских документах – это уже проверили. Он что-то искал...

Могло ли быть такое, что он просто шел по следу того, первого киллера, предположительно – Валентина Башарина?

– Версия номер один... – сказал себе Вася.

Если так – то вполне понятно, почему он обратился к человеку в форме. Этот человек преследовал ту же дичь. Обратился, правда, странно, не по уставу, но то, что ему требовалось, – сказал.

Если исходить из этого, то киллер – инкуб! Кем бы он ни был...

Теперь допустим, что Башарин действительно киллер. Или идиот, возмнивший себя киллером. С какой стати парню считать его инкубом? Да еще – своим? Персональным? Пожалуй, настала пора выяснить наконец, что такое инкуб, во всех подробностях! Может, это даже не инкуб, а – Инкуб? Кликуха? Вполне! Принимая во внимание склонности Башарина...

Одно странно – башаринское окружение скорее обозвало бы его Казановой или вовсе Баобабом, несколько исказив это слово. Таких вещей, как инкуб, простому человеку знать не положено. Даже простому следователю угрозыска...

Опять же, если Башарин почему-то решил пристрелить Ротмана, то ему после покушения следовало бы сразу скрыться, а не бегать со стремянкой по офису «Гербалайфа». И потом, когда у него на хвосте уже сидел Вася, – тем более! Как прикажете понимать его появление в

центре города и попытку всенародного изнасилования двух тридцатилетних дур?!. Как будто в него и впрямь нечистая сила вселилась...

Может ли во взрослого мужика вселиться инкуб?...

Вася поймал себя на мысли, что версию инкуба он разрабатывает спокойно, деловито, как если бы речь шла о чем-то общепризнанном. А ведь существование этой нечистой силы в его мозгу было под большим сомнением. Мало ли что брякнул парень в «Бастионе»? Пациенты неврологических диспансеров еще и не то брякают...

В таком вот смутном состоянии духа был Вася Горчаков, когда ноги сами принесли его в кабинет. И тут же зазвонил телефон.

– Это я! – прежалостнейше известил Игорь. – Ну, как?

– Так, и сяк, и наперекосьяк! – ответил Вася и положил трубку.

В конце концов, этот раздолбай мог бы предупредить о своих сексуальных подвигах!

– Еще один инкуб на мою голову... – вслух проворчал Вася.

Он не был блюстителем всенародной нравственности, более того – он полагал, что девяносто процентов изнасилований производится по взаимному согласию. Однако, если посылаешь товарища в разведку, неплохо бы дать ему правильную ориентировку! Тут уж речь не о сексе, а о том, что в последнее время называется словом «подстава», хотя в словаре Даля оно имеет совсем другое значение.

В кабинет заглянул стажер Уфимский.

– Зайди к Сорокину!

Вася быстро сунул в прозрачную папку до середины исписанный листок.

Пунктом первым там был Башарин. Его связи, первая из которых – мама Насти Петровой. Его местонахождение. И – сегодняшнее, и в момент нападения на Ротмана.

Вторым пунктом был парень, которого Сашка с Лешкой приняли за киллера. Парень, который произнес это несовременное слово «инкуб». Этот знаток нечистой силы был, кажется, из плоти и крови – значит, имел имя, фамилию, место жительства и, возможно, прописку. Хорошо бы узнать – не числится ли он на учете в неврологическом диспансере. Хотя Вася нюхом чуял – нет, не числится...

Третьим пунктом была Колесникова.

– Это тебе за Колесникову! – сказал киллер Ротману. То, что Ротман не может вспомнить фамилию, еще не значит, что их судьбы не пересекались.

Четвертым пунктом было все, связанное с маньяком. Который, если забыть про мистику, вполне может оказаться спятившим от страха Валентином Башариным. А что? Если человек повернут на сексе, то, спятив, он как раз и может выйти на улицы с громким воплем: «Бабы, слетайтесь, вот он я!»

Был еще пятый пункт, выглядевший так: «5.???»

Имелась в виду «крыша», которая может-таки найти заказчика этого несостоявшегося убийства. И Вася был готов пойти в церковь и поставить свечку за здоровье «крыши» – если она это сделает.

С этим планом действий Вася и отправился к Сорокину, любимцем которого числился последние годы. Что странно – никого в управлении это не раздражало. Как будто Вася мог вызывать у всего человечества только доверие и нежность!

На сей раз начальник был хмур. Вася доложил о догадках, о подозрительном сходстве киллера с маньяком, и осторожно подсказал, что в каждой стране и в каждом городе может завестись свой сумасшедший, способный доставить кучу хлопот, пока его поймают и отдадут психиатрам. Намекнул также, что, возможно, уже к вечеру будет знать, где прячется этот чудак на букву «м».

– Значит, ваша версия – подозреваемый Башарин сошел с ума? И отправился по конкретному адресу убивать конкретного человека? – уточнил полковник.

– Но не убил же! Может быть, с тем же успехом он бы проник в городскую Думу, или в женскую баню, или в лигу сексуальных меньшинств. Но вот первым подвернулся «Бастион».

– То-то и беда, что «Бастион»... Василий, мне нужен этот Башарин. Живой или мертвый. Ведь эти ребята, охранники, его опознали?

Вася все понимал.

Сорокин не имел намерения вешать на Башарина преступление. Он просто хотел предъявить кому-то наверху реальный результат своей деятельности. Потом, когда Башарин окажется уже в надежном месте, допустим – в дурдоме, можно будет понемногу распутать этот клубок. Если только клубок существует...

Поэтому Вася не стал усложнять дело, казавшееся Сорокину сравнительно простым. Он просто пообещал в максимально короткий срок предоставить Башарина живым или мертвым.

– Все, что потребуется... – и Сорокин выразительно замолчал. – И все, кто потребуются...

– Пока – только свобода действий.

– Не только.

Сорокин полез в ящик стола и достал мобильный телефон – не свежайшей конструкции, не «Nokia» с наворотами, а вполне благопристойная «Motorola».

– Ваш? – спросил, принимая, Вася.

– Твой. Запиши номер: девять – тридцать семь – сорок два – шестьдесят пять. Связь каждый час.

Вася вернулся в кабинет как раз вовремя – снова запищал телефон.

– Горчаков слушает, – сурово сказал Вася.

– Вась, ну что ты?... – занял Игорь. Похоже, он действительно не понимал всей преступной мерзости своего поведения.

– Ничего. Головой думать надо, – изрек прописную истину Вася.

– Да я все понял! – прямо-таки застонал насильник-неудачник. – Вася, ты ее видел? Она там была?

– Я бы на твоём месте показался невропатологу, – с тем Вася и положил трубку. Понимая, что Игорь будет звонить еще и еще, он решил одним выстрелом убить двух зайцев: избавиться от Игоря и разобраться с инкубом. Потому сразу набрал давно знакомый номер.

Был в Васиной практике случай, когда свидетелем в деле о покраже старинных икон оказался почтенный дед, бывший декан педагогического института. Дед обладал феноменальными знаниями, один мог заменить всю Большую советскую энциклопедию, и при этом трепетал перед именами Маркса и Энгельса. Это Васю удивило – но дед показал статьи Энгельса по военному делу, загнул что-то про односторонний подход к «Капиталу», и Вася понял, что спорить с таким монстром и зубром он еще не дорос, кишка тонка.

Несколько раз дед давал бесценные консультации – почему бы не расспросить его про инкубов?

– Добрый день, Георгий Никанорович! – сказал Вася. – Следователь Горчаков беспокоит. Вопросец у меня. Только не смейтесь – что вы думаете про инкубов?

– Добрый день, Василий Федорович! – отвечал дед. – Интересует ли вас трансформация образа инкуба в мировой литературе, исключительно в русской, в живописи, в музыке? С точки зрения психиатрии? С точки зрения католицизма и православия?

– Да я хочу понять вообще... – пробормотал Вася.

– Вообще – это бунт пола против вынужденного целомудрия, – четко, словно отличник на экзамене, доложил дед. – Вы в школе лермонтовского «Демона» проходили?

– Проходил.

– Извольте радоваться – натуральный инкуб. Прилетает ночью, соблазняет, привязывает, губит. Но в литературе, Василий Федорович, чаще суккубы встречаются. То есть – чертовки,

которые высасывают из мужчины его мужскую силу. Проще говоря – если кому чего в жизни недостает, то оно ему и мерещится. Допустим, некий поэт девятнадцатого века, сидящий на холодном чердаке Монмартра и не имеющий десяти франков, чтобы пригласить гризетку, засыпает натошак и видит себя в нежных объятиях какой-нибудь Венеры или Армиды...

Тут декан голосом постарался передать округлости, аромат и прочие соблазны, но, видать, подзабыл это дело и сам того устыдился.

– Воспаленное воображение наутро усаживает его за стол, – сурово продолжал декан, – сует ему в руки перо и диктует страстные стихи о неземном духе, который в ответ на его мольбы подарил ему блаженство. Он готов погубить свою душу ради прекрасного суккуба – по крайней мере, так он пишет в трех десятках строф, насколько хватает полученного заряда, а потом одевается и совершает обход издателей с новорожденной поэмой. Или же монахиня, глядя на лик Иисуса, влюбляется чистой любовью, но плоть начинает требовать запретного плода – и приходит сон, в котором она, вроде поэта, попадает в нежные объятия. Наутро бедная монахиня в ужасе, она убеждена, что ее искушал дьявол, что блаженство было испытано наяву, но – с инкубом. Если у бедняги хватит глупости признаться в своем грехе на исповеди, то ее ждет тяжкое искупление.

– Георгий Никанорович! – взвыл Вася. – А нет ли в литературе, в музыке или в архитектуре сведений об инкубах, которые появляются днем на улицах, у которых руки-ноги как у обычных мужчин, которые даже... могут врезаться в ухо...

– Об инкубах, которые силой отгоняют от своих избранниц их законных мужей, известно. Но насчет того, чтобы врезаться в ухо... Я полагаю, это зависит от фантазии того человека, который пишет рассказ или повесть об инкубе. А что? – тут в глуховатом голосе всезнающего деда прорезался интерес. – Вы решили, так сказать, поменять стезю?

С большим трудом Вася отвертелся от такого обвинения. И точно – зачем бы следователю угрозыска с инкубами и суккубами путаться? Попытки арестовать инкуба дед-марксист бы точно не понял.

Очевидно, все это время Игорь накручивал телефонный диск.

После разговора с дедом Вася сообразил, что обратился не по адресу, и следующий вопль Игоря в трубке принял уже более благосклонно.

– Хочешь реабилитироваться? Во-первых, записывай номер моей мобилки...

Игорь с таким энтузиазмом записал, что Вася понял – по крайней мере три цифры окажутся перевернутыми.

– Во-вторых, чеши в газетный киоск и купи всю желтую прессу на потусторонние темы, какую только увидишь.

– И порнуху? – Игорь не поверил ушам, но это было и не обязательно.

– На потусторонние! Выполняй. И сразу же – ко мне. Я скажу дежурному, чтобы сразу пропустил.

Пока Игорь закупал газеты и брошюры, Вася позвонил Башариным, убедился, что отец семейства так и не появлялся, позвонил в офис «Гербалайфа», выяснил, что работничка там не видели, и связался наконец с Борисом Жуковым – тем самым соседом Башариных, с которым Валентин то вместе пиво пил, то в «козла» рубился, то призывал его подержать стремянку при ловле вспорхнувшего на дерево кота, то снабжал десяткой до полочки. Жуковская теща утверждала, что Валентин его и в совместные заходы налево сманивал, но доказательств, кажется не имела.

Жена Башарина утверждала, что если кто и знает секреты непутевого муженька – так только Борька, вечный башаринский прихлебатель и заступник. Но, возможно, знает, да не выдаст.

И она оказалась права. Борис не говорил, а блеял в трубку. Его послушать – так впервые с сотворения мира ступала по земле такая кристально чистая личность, как Валентин Башарин.

И эту чушь он нес не совсем с перепугу. Очевидно, Жуков действительно считал Башарина образцом настоящего и крутого мужика. В отличие от жены...

Вася не был ясновидцем, однако, не кладя трубки, представил себе этого Жукова въяве. Если Башарин – высокий, крупный, с резкой, хотя и малоподвижной физиономией, так Жуков непременно должен быть маленьким, хилым, со скошенным подбородком. Он просто обязан смотреть на Башарина сверху вниз, верить во все истории о победах над женщинами, с благоговением приносить кумиру пиво... тьфу!

Очевидно, общение с Игорем не прошло для Васи даром – его тоже занесло.

Потом он, имея под рукой список из шести номеров, обзвонил башаринскую родню и всем вежливо, но строго предложил: при появлении беглеца звонить следователю Горчакову! В его же, Башарина, интересах!

А потом появился стажер Уфимский.

– Маньяк вынырнул на Малой Артиллерийской!

– Люсеньки домогался?

– Люсеньки!

– Чует мое сердце, ловим мы клиента для дурдома, – сказал Вася.

Малая Артиллерийская была тут же, за углом, подальше высунуться из окна Васиного кабинета – и как раз увидишь. Значит, Башарин окончательно спятил. Гонять баб возле самой районной ментовки – это уже чересчур.

– А не хочешь ли знать, почему его не поймали? – спросил Уфимский.

– Хочу.

– Он удрал с такой скоростью, что обогнал троллейбус!

– Обогнал троллейбус?...

– Да! Есть свидетели.

Башарин не может обгонять троллейбусы, подумал Вася, Башарин уронил себе на левую ногу банку с краской и основательно хромает. Об этом следовало вспомнить еще при его нападении на Люсеньку номер два, когда он тоже сбежал с места происшествия.

Похоже, в него действительно кто-то вселился!

Или же это двойник. То есть – случайность, возведенная в степень, но вполне реальная. Стоп! Может ли человек быть настолько похож на другого человека, чтобы иметь те же вкусы по части одежды?

Вася позвонил супруге Башарина и спросил – есть ли в гардеробе беглеца черная рубаша из шелковистой ткани, и вообще – не имеет ли он обыкновения носить такие рубашаи распахнутыми до пупа?

– Имел – когда супермена из себя корчил! И дура я была, что попалась! – отвечала супруга.

Черная рубаша была сношена несколько лет назад – от шести до четырех – и пущена на тряпки. Другой не покупалось – потому как незачем. Даже джинсовой. Башарин не дискотечный мальчишка, чтобы носить такие рубашаи.

– Но если кто-то из его шлюх подарил ему другую, за это я не отвечаю! – вдруг осенило башаринскую супругу.

– А сапоги типа «казаки»?

– Сапоги еще живы, – отвечала супруга. – Он их на работе держит, они уже краской заляпаны.

– А черные штаны типа джинсы, в обтяжку?

– Штаны в обтяжку?... – женщина расхохоталась. – Носил, носил, супермен гороховый!

Они на нем трещали!

– Больше не носит?

– Куда ему! Там уже пузо всю прет! – конечно, супруге было виднее...

На чем и расстались.

Глава четвертая.

Как мы с Васькой искали мага- теоретика, а напоролись на полтергейст

Вообще-то совесть у меня есть. Когда я увидел, как Мымра Геннадьевна сопровождает Ваську на трамвай, я заподозрил неладное. И понял, что на всякий случай нужно извиниться.

Васькин голос в телефонной трубке был до такой степени злобен, что истина стала проясняться передо мной, как изображение на пластинке «Полароида». Но до последней секунды мне почему-то не верилось, что Мымра Геннадьевна выложила ему все, что думает о причине моего ухода из шестнадцатой школы.

Оставалось только надеяться на Васькин здравый смысл.

Дежурный действительно был предупрежден о моем приходе. Он с интересом посмотрел на сноп газет, торчавших из моей фотосумки. Уложить их туда я не мог – там у меня все впритирку, и они вылезали сбоку вверх самым лихим образом.

Я постучал в кабинет и вошел, всем видом стараясь явить полнейшее и безупречное раскаяние, какое только подобает индивидууму, снискавшему немилость следователя угрозыска...

– Входи, входи! – мрачно пригласил Васька. – Насильник печального образа!... Давай, сексуальный маньяк, колись!

– Чего мне колотья? – я вложил в голос всю убедительность, на какую только был способен. – Ничего же не было!

– Не заставляй меня пускать в ход мой блистательный профессионализм, – впрочем, по Васькиной роже было видно, что сейчас ему больше хочется пустить в ход кулаки. – Что там было, в этой комнате на третьем этаже и с диваном?

– Ничего не было.

– На диване сидели? – дело пахло правильным допросом. Вот только подсказывать ответы, то есть, закладывать в вопрос единственно возможную форму ответа, на мой взгляд, некорректно.

– Ну, сидели.

– Рядом?

– Почти.

Некорректность нарастала, я видел это по Васькиному прищуру.

– Ты ей стихи читал! – вдруг сообразил Васька.

– Ну, читал.

– А свои конечности контролировал? А, членисторукий? Я тебя знаю – ты когда себя артистом вообразишь, всех и за все хватаешь!

– Я тебя хватал, что ли? – честно говоря, как раз за это я и не мог бы поручиться...

– И не раз. Могло ли быть такое, что ты ей читал какие-то амурные вирши, увлекся и ухватил за что не надо?

– Нет.

– Ну, значит, это все-таки была сознательная попытка изнасилования. И тебя выперли из школы поделом.

– Значит, поделом.

Я не имел ни малейшего желания объясняться с ним на эту тему. Должна же быть хоть какая-то неприкосновенность личной жизни!

– Вот газеты и прочие издания на затребованную тему, – сказал я, выдернул их из сумки, выложил веером на стол, развернулся и устремил ладонь к дверной ручке.

– Сядь, – приказал Вася. – Вот сюда. Нужно выбрать из всей этой дряни информацию, от которой за версту не разит шизофренией!

– А что ты, собственно, ищешь? – поинтересовался я. – Тебя сглазили? На тебя напустили порчу? Может быть, ты собрался кого-то приворожить? Нужно избавить тебя от энергетического вампира?

– Я ищу инкубов! – отрубил Вася.

– Инкубов? А у тебя с ориентацией все в порядке? – пожалуй, насчет беспокойства в голосе я перебрал, ну да ладно. – Тебе, в твои годы и с твоей половой принадлежностью, ближе был бы суккуб!

– Где инкуб, там и суккуб. Давай, работай!

Он взял первую газетку, носившую краткое и непритязательное название «666», и подвинул мне. А сам тяжело вздохнул и принялся отлавливать свою нечисть в другой местной газетке на ту же апокалиптическую тему, в «Асмодее».

Полчаса работы дали примерно такой результат.

На просторах Российской империи водились исключительно ведьмы и оборотни. Ведьмы перекидывались кошками и пакостили. Оборотни шныряли в волчьих шкурах. Также неоднократно восставали из гробов покойники, а какие-то исторические призраки предвещали несчастья. В городах и селах полтергейсты швырялись утюгами и валили холодильники. Все это было описано с такой серьезностью, что и уверовать немудрено.

Я покосился на Ваську – не уверовал ли?

Васька поймал мой взгляд и показал два пальца в виде латинской буквы «V». Оказалось, он наконец отыскал страницу объявлений.

Я тоже не предполагал, что у нас в городе такое количество гадальных салонов, специалисток по приворотам и Таро, а также знатоков древнеегипетской, древнескандинавской, древнеириландской, древнеславянской и прочих магий. Еще в бытность педагогом я видел, как наши дамы втихаря раскидывали друг дружке карты и совещались, в какой гадальный салон лучше пойти. Но кто мог знать, что это стало стихийным бедствием?

– «Генерал и епископ черной магии», – прочитал Вася. – Это как?

– Тайна сия велика есть, – отвечал я. – В таком случае, должен существовать и генерал-лейтенант черной магии. И адмирал. И кавторанг. Он стоит на мостике и крутит магический штурвал, и черные волны зла пенятся под носом его фрегата...

– Тебя несет, – заметил Вася. – А вот, глянь, грандмастер магии! Баба... Во! Орден мастеров эзотерики. Это вроде масонского, что ли? Древнерусская школа ведической реабилитации... Игореха – это как?

Кое-кто из генералов, адмиралов, грандмастеров и корректоров кармы – честное слово, два таких попались! – не постеснялся опубликовать свою физиономию. Не знаю, как завороченные, порченные и сглаженные, а я бы к такому человеку войти в кабинет побоялся.

– Хватит валять дурака, – сказал я. – Тебе нужен инкуб – ну и ищи инкуба!

Самое интересное – именно Васька его и нашел!

– Вот! – заорал он. И стал читать вслух:

– «Я бы не советовал заниматься спиритизмом людям, недавно потерявшим близких. Спиритизм в этом случае – прямой путь к инкубату и суккубату.»

– Ого! Инкубат и суккубат! – восхитился я. – А мы тут, сиволапые, лаптем щи хлебаем.

– Заткнись. «Если вызывать мертвых, общаться с ними, мечтать о близости с ними – они откликнутся. Но избавиться от них будет очень трудно. Допустим, вдова вызывает покойного мужа и говорит с ним об их любви. Ночью во сне, муж вступает с ней в сношение. Женщина не знает, что стала жертвой инкуба...»

– Кто этот специалист? И как он сюда попал?!?

Я имел в виду – у кого хватило нахальства бороться со спиритизмом на страницах газеты «Асмодей»?

– Магистр белой магии Астралон.

И Васька показал снимок, прилагаемый к беседе с магистром.

Астралон был мужчина с черными усами, красивый, как Боярский в роли д'Артаньяна. Именно в роли... Однажды знакомая показала мне уникальный снимок – в какой-то московской тусовке ее угораздило сфотографироваться рядом с Боярским. И я понял, что актер – немолодой мужчина среднего роста, но с пропорциями высокого человека, бывают такие анатомические казусы. До красоты там было далеко – по крайней мере, в моем понимании этого слова.

Огненные глаза белого мага наверняка прожигали слабое женское сердце, как раскаленная игла – восковую свечку. А, может, ему так по должности полагалось.

– Тут не сказано, как с ним связаться... – проворчал Васька, исследовав всю газетную страницу и даже заглянув на ту сторону.

– Не может быть, чтобы он работал без рекламы!

Рекламу Астралона мы отыскиали в разделе грошовых объявлений «Для дома, для семьи» между услугами опытной няни с высшим образованием и зазывами тренера по шейпингу. Был только телефон, без всякого адреса.

– Добрый день! – сказал я в трубку. – Нельзя ли позвать магистра белой магии господина Астралона?

– Астралон слушает.

– У меня проблемы. Я хочу записаться к вам на прием.

– С удовольствием. Какое время для вас более удобно?

Очевидно, магистр давно сидел без работы.

– Сегодня можно? – спросил я. – Дело, понимаете ли, важное, наиважнейшее.

– Можно. Вы сейчас в центре города?

– Ну... Будем считать, что в центре.

– На проспекте Павших Борцов, в трех шагах от почты, есть подвальчик. Там с одной стороны сапожная мастерская, с другой – кафе. Называется «Анжелика».

– Знаю «Анжелику»!

Я ее действительно знал. И добровольно туда во второй раз бы не пошел. Там я отравился чаем с булочкой. Если кто скажет, будто это невозможно, не верьте! Возможно. И как еще.

– Ну так ровно в четыре заходите туда, садитесь за столик у крайнего окна, там, где будет лежать раскрытая книга в красной обложке, и ждите.

– Не так уж глупо, – заметил Вася, когда я передал ему разговор. – Вряд ли это кафе ломится от народа. Там можно спокойно поговорить. А если на прием к магу явится шизофреник – есть кому помочь его выставить.

– Вместе пойдем?

– Можно! – Вася вдруг развеселился. Оказалось – он никогда не беседовал с живым магом. И этот поход для него – ну, как для ребенка цирк! В цирке дядя клоун тем, кто сидит в первом ряду, может подарить шарик или конфетку. А маг, наверно, покажет фокус. Возьмет и материализует бриллиант в сорок каратов!

Мы честно явились в «Анжелику» без одной минуты четыре.

Мы вошли, как велено, обнаружили загнивающее заведение, где не меня одного, видать, умудрились чаем отравить, подивились тому, как это оно еще держится на плаву, и проследовали к дальнему окну.

К нему торцом был приставлен стол, а на столе мы увидели толстую раскрытую книгу в красной обложке. Чтобы не закрывалась, сверху лежала бронзовая штука, диск с кривыми рожками, числом восемь, и на каждом загогулина выгравирована.

Мне стало страшно.

Это была не просто книга – а книга заклинаний! Вот прочитаешь сдуру что-то не так – и козленочком станешь...

Не стовариваясь, мы заняли два стула подальше от книги.

Ваське не грозит опасность стать козленочком, как не грозит она старому, умудренному опытом козлу, подумал я, все еще недовольный тем, как Васька бросил меня за киоском. Ну да ладно... сам – дурак...

Мы молча смотрели на эту книжищу, как два зачарованных идиота – ожидали, наверно, что страницы шелохнутся, из них выкарабкается, как из-под одеяла, зеленый чертик и скажет:

– Ну, привет, я – Астралон!

– Добрый день! – сказал почтенный пожилой мужчина, на три четверти седой, – Позвольте...

Он чуть подвинул меня вместе со стулом, протиснулся и сел, положив руки по обе стороны красной книжищи.

И мы поняли: это – Астралон!

Уж чего-чего, а кокетства мы с Васькой от мага не ожидали. Мы еще допускали, что пожилая дама, которая шастает по Интернету в поисках романов и женихов, помещает там свое фото тридцатилетней давности. Но чтобы мужчина?...

Очевидно, он сразу разгадал наше недоумение.

– Я не таков, каким вы ожидали меня увидеть, – сказал он. – Но нам нужно быть очень осторожными с фотографиями. Вам, кстати, тоже. Попавшая в плохие руки ваша фотография – это канал связи с вами, вы это знаете?

– Знаю, – немедленно соврал Вася. – А что, со временем этот канал слабеет, что ли? Или зарастает?

Мы оба и одновременно подумали про наш городской канал! Если его еще два года не почистить – по зелени на его водах можно будет пройти аки посуху.

– Очень просто. В течение семи лет человек полностью обновляется. И то, с чем связан снимок, уходит в небытие. То есть, удар, посланный по каналу, проходит мимо цели, – объяснил Астралон.

Этому снимку было больше семи лет, и даже более четырнадцати. Маг основательно подстраховался.

– Чем могу быть полезен? – осведомился он.

Мы переглянулись.

Когда двое взрослых мужчин вполне серьезно ищут по объявлению мага, находят, вступают с ним в контакт – в этом есть что-то дикое. Для Васи – в большей мере, чем для меня, но все же...

– Видите ли... – Вася решил показать мне, что он – отважнее, но неловкость-то девать было некуда! – Мы столкнулись со странным явлением. Оно похоже на то, что в вашей литературе называется «инкуб». И мы читали ваше интервью. Скажите, пожалуйста, может ли быть, что в наше время в городе орудует инкуб?

– Вполне! – без тени сомнения заявил Астралон.

– Не черт с рогами, не Мефистофель, который соблазняет Маргариту...

Я вздрогнул. Маргарита!...

– О черте с рогами никто и не говорит... – донеслось словно с соседнего этажа. Очевидно, я ненадолго отключился. – Речь может идти о так называемых полевых формах жизни...

Полевыми бывают ромашки, подумал я, и маргаритки... Нет, маргаритки – луговые... Почему же она не звонит, маргаритка моя луговая, почему звонила весь вечер и даже часть ночи, а потом больше не захотела, почему?...

– Нет, тут речь не об астральных или эфирных телах, – толковал Астралон, а Вася слушал. – Вот наши тела состоят из молекул, так? А у них все на уровне элементарных частиц. Или даже на нейтринной основе.

Ого, подумал я, ничего себе маг!

– Эти существа представляют собой поле или состояние элементарных частиц, если для вас так важны научные формулировки. Они, вероятно, могут свободно проникать сквозь другие тела и предметы, пропускать свет...

– Так это же призраки! – обрадовался Вася. – А нам нужен инкуб!

– Погодите, я хочу завершить свою мысль. Есть еще микролептонные поля. И даже существует аппаратура для наблюдения за ними. И проводились опыты. Вы никогда не пытались представить себе, скажем женщину – в натуральную величину и со всеми подробностями?

– Ну, представлял, – честно ответил Вася. – Но, скажем так, в определенной обстановке.

– Так вот, в ту минуту, когда ваше воображение рисует вам женщину, возникает так называемый микролептонный кластер, – убежденно произнес Астралон. – То есть, сгусток, что ли, на который аппаратура реагирует. Раньше, еще в прошлом веке, это называли эктоплазмой – почитайте Конан-Дойла!

Мы с Васькой переглянулись – про Шерлока Холмса все, что написал сэр Артур, прочитали, но насчет эктоплазмы там вроде ничего не было...

– Его статьи по спиритизму, – сжалился над нами Астралон. – Итак, силой мысли вы можете создать микролептонный кластер, но будет ли он существовать дольше, чем одна-две секунды, – это уже зависит от ваших способностей. Дело в том, что ваше же воображение довольно быстро этот кластер разрушает. Вы не концентрируетесь на образе, вам в голову приходят другие образы, а этот, как правило, гибнет.

– Почему – как правило? – заинтересовался Вася.

– Потому что есть люди, способные его удерживать довольно долго... – маг помрачнел. – Дольше, чем им самим бы этого хотелось. Погодите...

Он замер, сдвинув брови, резко встал и сделал рукой вот этак – ладонь вперед, чтобы собрать наше внимание в центре этой самой ладони.

– Подойдите к стойке, возьмите что-нибудь и садитесь за соседний столик! – приказал Астралон, цапнул книгу и вместе с ней исчез. Ну, не совсем исчез – вполне заметно кинулся в ту самую дверь, откуда раз в два часа появляется бабка с мокрой тряпкой, чтобы обтереть столики.

Васька тоже вскочил – очевидно, их там, где он служит, натаскивают именно на такую реакцию: делай, как я! А я человек штатский, мне такие быстрые телодвижения вредны.

– Пересаживайся, идиот... – прошипел Васька.

Очевидно, какая-то опасность все же была. Я переместился.

Васька мгновенно очутился у стойки. Что он там мог выбрать, о бессмертные боги, что? И ведь то, что он принесет, нам придется есть!

Я знаю много. Я знаю, как стряпать при помощи утюга. Когда вырубил газ и оказалось, что дома нет ни электрочайника, ни плитки, ни самовара, я исхитрился кипятить воду на поставленном вверх подошвой утюге и на нем же жарить гренки из белого хлеба. Я могу одним батоном и заплесневевшей коркой сыра накормить шесть человек. Но как варят кислый кофе – я не знаю! Честно говоря, и знать не хочу.

Я к тому, что кофе, невинный черный кофе, который притащил Васька, в рот взять было невозможно. Наверно, в этом заведении и водка бы прокисла...

А бутерброды с сыром, которые он выбрал за относительную безопасность, были старше самого Васьки лет этак на полтора.

Он как раз ставил эти смертоносные бутерброды на столик, к которому я плюхнулся, когда в «Анжелике» возник еще один посетитель.

Это был грязненький дедок из тех, кто собирает по мусорникам стеклотару. В огромной клетчатой пластиковой сумке, которую он приволок с собой, позвякивала именно стеклотара. И он взором профессионала прогулялся под столами.

Удивительно было, что буфетчица, уже собравшаяся уходить в кухонно-складские дебри, не обратила на него ни малейшего внимания. Хотя сбор стеклотары был, как мне кажется, скорее прерогативой бабки с мокрой тряпкой.

Маленький, беспредельно вонючий дедок увидел что-то подходящее как раз у крайнего стола – у того, где мы только что сидели с Астралоном. Он без стеснения поспешил туда и стал тыкать палкой куда-то под столик, как бы пытаясь достать и выкатить нечто круглое. И достал, и нагнулся, чтобы изучить добычу, но это, наверно, была не стеклянная, а пластиковая бутылка, а их в тарных пунктах не берут. Разочарованный дедок выпрямился – и долю секунды, миллиардную долю, смотрел при этом в книгу с красной обложкой.

Он хихикнул. А потом сунул руку к себе в сумку, достал горсточку не пойми чего и широким жестом выкинул это самое на пол.

Мы с Васькой, как оболваненные кролики, следили за грязной морщинистой лапой. То, что там было, вылетело, рассеялось по полу – и вдруг оказалось, что это брызги жидкости.

Дед подхватил сумку и резво двинулся к выходу.

Мы переглянулись.

Что-то изменилось в подвальчике, воздух сделался другим, что ли?

Из кухонно-складских дебрей выглянул Астралон. Он оглядел помещение, в два прыжка оказался возле нас – и дал деру! У самых дверей повернулся и негромко приказал:

– За мной!...

Васька оказался умнее меня. А, может, не умнее, а более управляемым. Если бы он не научился быстро и беспрекословно выполнять приказы – его бы давно уволили. Поэтому он вскочил и кинулся к выходу сразу.

А я – птица свободолюбивая. Я подчиняюсь с большим трудом.

И именно поэтому я не бежал, а шлепал по «Анжелике» под пронзительный визг буфетчицы. Потому что из всех щелей выступила и забила широкими плоскими струями вода!

Пока добрался до лестницы, ведущей из подвальчика, – промочил штаны чуть ли не по колено!

Вася ждал меня в стойке бегуна, схваченного фотокадром: локти прижаты к бокам, шея вытянута, весь исполнен нетерпения.

– Он – там, задворками чешет! Ты – за ним, я – за дедом! – распорядился Вася. – Вон он уходит!

Имелось в виду, что мне поручен Астралон.

Но со мной произошло примерно то же, что с новорожденным утенком. Если ему, когда он только-только вылупится из яйца, показать вместо пернатой мамы любой другой движущийся предмет, то он за тем предметом и пошлепает. Поэтому когда Вася с высокого старта рванул следом за старикашкой, я как мог понесся следом. И надо признаться, что мокрые штанины очень неприятно хлопают по ногам! И сундучная сумка с тремя объективами тоже легкости бегу как-то не придает.

Зловредный дедок чесал перед нами ровненькой рысцой-трусцой, но клетчатая сумка куда-то подевалась. Я, не так уж далеко отбежав от «Анжелики», сперва потерял из виду его, а потом и Ваську. И встал, как вкопанный, соображая – а куда же я, собственно, бегу?

Тут-то и увидел я опять этого дедка. Он, непонятным образом проскочив мимо Васьки, уже чесал в противоположную сторону. И увидел меня.

Дед узнал меня, более того – он понял, что я его преследую! Почти не притормозив, он сунулся ко мне и сказал:»Га-а!»

С этим односложным и ни малейшего смысла не имеющим словом из его пасти вырвалась горячая струя густейшей вони. Она еще и плотностью обладала, потому как я ощутил буквально удар в нос!

Конечно же, я шарахнулся. Дедок понесся дальше со скоростью, даже неприличной для пожилого человека. Он обернулся и что-то увидел за моей спиной. Что-то, по всей видимости, очень страшное.

Припустил он, как спринтер-олимпиец.

Прямо перед моим носом возник Васька. От него разило, как... как... как от скотомогильника, наверно...

– Вот тварь вонючая! – и он добавил слова, которых я не ожидал от него услышать. – Развернулся на полном скаку, понимаешь! Куда его понесло?

Впервые в жизни я осознал, что такое азарт погони.

– Туда! – показал я рукой.

– Назад в «Анжелику», что ли? – и, не задумываясь, логично ли это со стороны зловонного дедка, Васька устремился к «Анжелике».

Там всюду разворачивалось стихийное бедствие. Пока нас не было, вода поднялась чуть ли не до стойки. Из глубины подвала неслись страшные крики – надо полагать, тонули вековые запасы кислого кофе. Народ собрался у окон, заглядывал и комментировал. Даже спорили – когда придет авария? И с особым наслаждением считали вскарабкавшихся на столы мокрых крыс!

– Что он такое сделал? – Васька повторил этот жест, классический жест сеятеля, с картины... тьфу, чья же это картина?...

– Магия, – округло разведя руками, сказал я.

Прохожие от нас шарахались.

Человек, способный выдуть такой мерзкий и прилипчивый аромат, должен быть взят на особый учет Министерством обороны, подумал я, и использовать для разгона кавказских мятежников.

– Магия! – злобно повторил Васька. – Мало нам было инкуба?

Тут к «Анжелике» торопливо подошел парень в черных штанах и длинной черной майке, трепыхавшейся, как будто под ней не было даже скелета, а один позвоночник, раздвинул толпу и, присев на корточки, посмотрел вовнутрь. Я бы и не подумал на него особое внимание обратить, но Васька буквально стойку сделал, как сеттер с поднятой лапой. В общем-то, что тот парень присел на корточки, мне Васька потом сказал.

По Васькиным данным, этот гражданин выпрямился, решительно пошел ко входу в «Анжелику» и стал туда неторопливо спускаться. Совершенно не беспокоясь о том, что рискует утонуть. И как-то так получалось, что стоило ему поставить ногу в черной кроссовке на ступеньку, как от этой ступеньки откатывала вода.

Васька видел это своими глазами – он, бросив меня в мокрых штанах, кинулся следом за тем парнем. Он даже шагнул на еще влажную лестницу – а парень между тем уже стоял на полу и задумчиво следил за уползающей в щели водой.

А потом он обернулся.

– Тебе-то чего нейметя? – спросил он Ваську. – Гляди, допросишься. Не лезь ты в их разборки, а то и на тебя лапу наложат. Чей бы ты ни был.

– Ты – кто? – Васька потом клялся, что не слышал собственного голоса.

– Таир. Пусти-ка...

Тоненький, легкий, как мальчишка, он не то чтобы протиснулся мимо Васьки – он, как Васька опять же божился, прямо дуновением пролетел.

– Что это? – Васька был настолько потрясен исчезнувшим потоком, что ему и в голову не пришло спросить парня: послушай, что ты забыл в «Бастионе» и кого ты назвал инкубом?

– Мелочи. Полтергейст разбудили, – сказал Таир. – Вот ведь вредители... А насчет инкуба не беспокойся. Не твое это дело. Я по следу иду и сам его выловлю. Но если кого на него наведешь – пеняй на себя. Разрублю канал!

С чем и отбыл. А в подвальных дебрях вопли вскипели с новой силой. Очевидно, спасение от потопа было нехстати – чего-то или кого-то не успели утопить...

Он прошел мимо меня, этот Таир, и я действительно обратил на него внимание, а не придумал это потом, чтобы получше выглядеть в Васькиных глазах.

Его лицо...

Такие лица я видел у старшеклассников на своих уроках. Сидит неглупый вроде парень, и что бы я ни толковал – он в упор не слышит, он что-то внутри себя слышит, и эта отстраненность делает его даже красивым...

И шел он, как человек, которому торопливость противопоказана. Для него важно идти и думать. И ему безразлично, как смотрят на него красивые девчонки.

– Ну, что этот Таир ко мне прицепился с этим инкубом? – Васенька чуть не плакал. Я вообще редко его видел в таком разобранном состоянии. То, что он был потрясен водяным чудом, – это понятно. Но оно могло объясняться и как-нибудь реалистически. Скажем, дергая в панике прогнившие трубы и вентили, сотрудницы кафешки нечаянно потянули именно то, что требуется для устранения аварии. Васька сделался невменяем из-за странных слов Таира.

– Простите... – меня очень деликатно тронули за плечо. – Вы не могли бы спуститься вниз и принести мою книгу?

Это был Астралон. Он стоял с видом нашкодившего кота.

Каким-то образом он знал, что лучше ему внизу не появляться.

– Я попытаюсь.

И я честно направился ко входу в «Анжелику».

– Стой! Ты куда? – удержал меня за плечо здоровый мужик и повернулся к приятелю. – Ну, три пива за тобой! По пиву за крысу! Их семь на столы залезло, слышишь – семь! Не ходи туда – там у них что-то нечисто.

Это уже относилось ко мне.

– Батюшку нужно позвать, пусть помещение освятит, – посоветовала пожилая тетенька.

– Можно и самим ладаном покурить.

– И углы закрестить!

Женщины устроили высокопрофессиональную дискуссию на тему борьбы с нечистой силой. Оказалось – ни для кого в ее шкодах ничего противоестественного нет, нормальное явление, а домовый – так и вовсе у всех присутствующих член семьи.

Буфетчица решила наконец проявить инициативу. Босиком – надо полагать, ее уютные шлепанцы размокли, – она поднялась по лестнице с явным намерением перевесить табличку не той стороной, где «открыто», а той, где «закрыто».

– Ну, чего, чего! – прикрикнула она на уже расходящуюся толпу. – Аварии, что ли, не видали? Закрыто, говорю!

Но, кроме явного намерения, было у нее еще и скрытое.

Она, встав на пороге, оглядела окрестности кафешки взором полководца.

Меня осенило – искала Астралона!

И второй раз осенило – видно, из-за него уже были какие-то приключения.

Астралон же, ожидая меня с вожделенной книгой, спрятался за грузовиком. И глядел оттуда в тоске.

– Ты чего тут торчишь? – спросил, подойдя, Васька. Он уже опомнился после беседы с Таиром.

– Астралон просил книгу забрать.

– Ну?

– Думаешь, она так просто отдаст? Она только и ждет, чтобы кто-нибудь за книгой явился!

Васька оценил выражение лица буфетчицы и согласился.

– Ладно, я унижусь... – буркнул он.

И полез за удостоверением.

Увидев эти корочки, буфетчица прямо ошалела.

– Так вы давно его пасете? – вполне профессионально, но втрое громче, чем полагалось бы, осведомилась она, приглашая человека из угрозыска вниз. И оба пропали из виду.

Я обернулся. Астралон, видимо, уже давно делал мне рукой вот этак – мол, подойди же наконец!

Я подошел.

– Плохо, – сказал унылый Астралон. – Она теперь книгу так просто не отдаст. Вот если бы стянуть удалось – другое дело...

– Вы же маг! – примерно так, как говорил двоечнику в школе про его скрытые под десятую слоями лени способности, заметил я. – Что же вы ей глаза не отведете?

– У меня другая специализация, – горестно и мрачно сообщил Астралон. – Как вы думаете – она милицию не вызовет?

– Уже вызвала... – не менее пасмурно известил я, и тут в голове образовалась цепочка. Милиция – учреждение – редакция – гонорар – снимки – потрясающий вид затопленного подвала... Идиот! Для чего же я таскаю с собой все эти железки?!?

Я мог сделать снимок века и предложить его даже не журналу, а нашему самому популярному еженедельнику «Отчий дом», где любят всякую не слишком сложную мистику. Или «Асмодею», который наверняка впилил бы картинку на первую полосу, ту, что с повышенным гонораром!

Ну? Есть ли еще в природе такой идиот?!.

Астралон, не в силах смириться с утратой книги, подкрался к окошку подвальчика и вернулся в крайнем изумлении.

– Там ваш товарищ ее допрашивает!

Тут я поверил, что каким-то ясновидением этот чудак обладает.

– Допрашивает. Это у него хорошо получается...

Минут этак через десять из «Анжелики» вышел Васька с книгой подмышкой и сделал нам рукой вот так – сгиньте, следят!

Мы и сгнули в ближайшем дворе. Сделав небольшой круг почета, он тоже туда явился.

– Вещественное доказательство, – сказал Васька, взвешивая на руке книгу в красном переплете. – Надеюсь, я ни одной бумажки не потерял?

Между страниц были понапиханы всякие записки и даже тетрадные листы.

– Это все мелочи, – Астралон потянулся за книгой, но Васька не дал.

– Сперва – о деле, – распорядился он. – Сперва вы ответите на все наши вопросы, а потом и получите свою книгу. Поскольку это ваше орудие производства, терять которое вы не захотите, то я рассчитываю на ответы точные, четкие и обстоятельные!

– Вы ее откройте, – посоветовал Астралон.

И это был еще один момент, который следовало запечатлеть для потомков.

Васька мужественно раскрыл красную книгу, высвободил от записочек клочки текста, прочитал – и разинул рот. Вот если бы я его сейчас щелкнул, это был бы еще один снимок века!

– Теперь ясно? – спросил Астралон. – Если я эту книгу домой не принесу, с меня дочка и внучка шкуру спустят!

Первая мысль была – он растит ведьм! С младшего школьного возраста! Вот, значит, какая у него узкая специализация!

Вторая мысль была – через Васькино плечо заглянуть в эту магическую здоровенную книгу.

Васька угадал мое намерение.

– ... что готов душой страстной за царевною прекрасной он пешком идти отсель хоть за тридевять земель! – с пылом и жаром прочитал Васенька. – Сказки Пушкина, старик. Доподлинные. Изданы в пятьдесят мохнатом году!

– Книга большая, внушительная, – стал оправдываться Астралон. – Клиентам нравятся!...

Васька вздохнул.

– Пошли, – сказал он. – Будем копаться в магии на свежем воздухе.

– Пошли... – согласился Астралон.

И мы сели в самом подходящем месте – у песочницы. Бабушки, смотрящие за малышкой, предпочли теневую сторону, а мы, трое мужиков, и на солнышке не растаем!

– Вернемся к нашим инкубам, – предложил Васька. – Даю вводную.

И в общих чертах пересказал обе встречи с Таиром.

– Если этот человек так говорит, значит, так и есть, – Астралон на солнечной скамеечке выглядел совсем дедом, причем очень озабоченным дедом, и видно было, что знает он немного и делиться своими знаниями почему-то не хочет.

– Он известен в этих ваших магических кругах?

– В том-то и дело, что в кругах – в тех, с которыми я близок, по крайней мере, – он мало известен. Говорят, мальчишка имеет способности... Говорят, он – сам по себе... С епископом не сотрудничает, но и своего дела не открывает...

Я думал, Васька хоть попытается узнать, что это за епископ такой, но моего друга заколодило на странноватом парне.

– Может ли ему лично принадлежать инкуб? Я имею в виду тот микролептонный кластер, о котором вы говорили.

– Да нет же, инкуб – не микролептонный кластер! – воскликнул Астралон. – Я просто объяснил, как может появиться существо, ошибочно принятое за инкуба!

Васька помотал головой.

– Значит, вы в инкубов не верите? – напрямую спросил он.

– Если верить европейским и древнекитайским источникам, то они существуют! – воскликнул заподозренный в профессиональной нечистоплотности маг. – И являются сущностями! Я даже допускаю такой вариант, что кому-то, возможно, Таиру удалось словить инкуба.

– Как? – я не маг, про инкубов знаю совсем немного, но процесса ловли этой нечисти и вообразить не могу.

– Да хотя бы во сне, – безмятежно предположил Астралон и возвел глаза к небу.

– Разве сие возможно?

Вася молча, всем лицом и даже руками присоединился к моему вопросу.

– Почему бы нет? Есть такие ловушки. Допустим, сильному магу повадилась являться во сне инкуб. И надоел. Маг поставил ловушку и словил. Или клиента замучил инкуб. Опять же – ловушка...

– А потом?... – без голоса спросил я.

– Потом уже проще. Если подавить инкуба, лишить его воли, навязать свою волю, то можно на базе его энергии сформировать сущность, которая будет выполнять ваши задания. Скажем так – специфические задания. Вряд ли Таир поймал инкуба – и не подавил его.

– А что это будет за сущность? Что-то бестелесное? Или же она сможет выполнять физические действия? Скажем, взять в руку пистолет и выстрелить? – поинтересовался Вася.

– А разве то, что выполняет инкуб, не есть физическое действие? – очень удивился Васькиной магической безграмотности Астралон.

Я чуть не застонал.

Астралон популярно объяснил, что в большинстве случаев оно-таки физическое. Потому что рождаются дети!

Деньги за консультацию он брать отказался. Поблагодарил, что не бросили в беде. Вася дал ему номер мобильного – мол, если будут новости про Таира или про инкубов – охотно выслушаем!

На том и расстались.

– Маг-теоретик... – проворчал Васька. – Мне буфетчица рассказала... У него еще колоды карт по карманам распаханы. На женихов гадают. По идее, ему бы в гадальном салоне работать. Но он не хочет. А у них там, похоже, что-то вроде своей мафии. Не удивлюсь, если окажется, что они город на участки поделили. Чуть какая-то! Инкубы, суккубы, оборотни, ведьмы, нечистая сила!

– Знаешь, Вася, в чем разница между нами? – с идиотской гордостью спросил я. – Ты реалист безнадежный. Если что-то выползает за рамки мира, который принято считать реальным, твоя первая мысль – это недопустимо! А я допускаю, что могут существовать вещи, которых марксистский материализм не учитывает. *Experientia docet!* И при встрече с ними мне легче, чем тебе. Потому что, сударь ты мой, к такой встрече я всегда готов!

И накаркал на свою голову! Юный ленинец, скаут, кто там еще был всегда готов? Я похож на скаута примерно так же, как на суккуба.

– Да нет... – Васька стоял передо мной, выпрямившись, прислушивался к чему-то внутри себя, и в этот миг, ей-богу, был чем-то похож на Таира! – Я, кажется, тоже готов...

Глава пятая.

О том, что некоторые следователи как-то странно относятся к красивым женщинам...

Марья Геннадьевна сдержала слово – она отыскала маму Насти Петровой. И позвонила Васе чуть ли не в восемь утра, и дала телефонный номер, и предупредила все-таки, что контакты с ребенком – только в присутствии педагога!

Вася поклялся, что так оно и будет. Вот уж без ребенка он во всей этой странной истории охотно бы обошелся!

И позвонил Алевтине Петровой.

– О чем вы хотели побеседовать с моей дочерью? – довольно-таки агрессивно осведомилась незримая женщина. Очевидно, учительница успела ее настроить на свой лад.

– Скорее всего, беседы с вашей дочерью не потребуются, если вы мне ответите на несколько вопросов, – успокоил Вася. – Но лучше бы для этого встретиться. Вы можете прийти сюда...

Тут он сообразил, что если речь пойдет об интимной жизни инкуба, то лучше бы обеспечить себе свободу маневра.

– ... а лучше бы мне подойти туда, куда вы укажете. И в удобное для вас время, – предложил он со всей доступной сотруднику угрозыска любезностью.

Договорились встретиться через час у входа в Дом колхозника.

Это был воистину замечательный дом. Уж если где в городе и могли завестись инкубы – так только здесь!

Примерно в начале пятидесятых городским властям была спущена сверху ценная мысль. Кто-то там, в непостижимой вышине, подумал: когда окрестные колхозники приезжают в город с грузовиками картошки или на экскурсию, им ведь, горемычным, решительно негде переночевать! Имелось в виду, что обычная гостиница, где шесть коек в номере и туалет в конце коридора, им не по карману. Поэтому было решено строить «Дома колхозников», где одновременно могли бы с удобствами и по дешевке ночевать сотни две по меньшей мере неприхотливых тружеников села.

Перепуганные городские власти не пожалели денег. Через год в самом центре возник единственный на то время небоскреб. Дом колхозника имел шестнадцать этажей, огромные комнаты с высокими потолками, прорву всевозможной лепнины, а силуэтом напоминал высотные здания Москвы с неперменной красной электрифицированной звездой на шпиле. И в него действительно на первых порах пускали ошарашенных колхозников.

Со временем на это здание наложила когтистую лапу партия. Поскольку изначально планировалось, что уставшие от продажи картошки с капустой колхозники захотят вечером посмотреть фильм «Доярка и пастух», то в доме имелся здоровенный кинозал и даже ресторан – чтобы обсудить перипетии фильма. Трудно было придумать более удачное место для проведения партслетов, партконференций и партсеминаров, на которые собиралось до трехсот человек со всей области. Семинары длились недели по две, слеты и конференции были покороче, но все равно делегаты успевали перезнакомиться самым интимным образом. И если бы роскошные кровати в Доме колхозника вдруг заговорили, то стены Дома колхозника покраснели бы как снаружи, так и изнутри.

Потом здание стало средоточием офисов самых солидных фирм. Просторные светлые номера с удобствами очень для этой цели подходили. К тому же, Дом колхозника стоял посреди целой площади и имел перед входом газон с клумбами площадью гектара в полтора. Естественно, газон заасфальтировали и превратили в очень удобную автостоянку. Поскольку

никому и в голову не пришло, что преображенному зданию нужно бы дать какое-то имя, оно так и осталось для горожан Домом колхозника, к большому удивлению молодежи.

В этот притон разврата и направился Вася.

Он встал у входа в назначенное время и принялся наблюдать за пролетающими взад-вперед бизнес-леди. Это были как правило, высокие, стройные, подтянутые и какие-то отлакированные леди с озабоченными физиономиями, с маленькими сумочками и большими папками для документов, в том, что называется «строгие элегантные костюмы», и их каблуки трещали по плиткам широкого крыльца как взбесившийся пулемет. Вася подумал, что и любовью они, пожалуй, занимаются с той же скоростью и целестремленностью, с тем же выражением лица, молча и без лирических отступлений.

Но та, что остановилась по другую сторону шестистворчатых дверей, была больше похожа на женщину, чем стремительные, сверхэлегантные, поджарые особы. Она и ростом была поменьше, и личиком покруглее, и – курносая!

– Вы – Алевтина Петрова? – спросил, подойдя, Вася. – Следователь Горчаков. Я тут одно местечко приметил. Если вы не против – там можно поговорить.

Он имел в виду кафе на свежем воздухе за Домом колхозника.

– Вполне, – отвечала Алевтина.

Она смотрела на Васю, чуть склонив голову набок, и во взгляде читалось: надо же, мент, а вполне похож на нормального мужика... Да, пожалуй, именно это и читалось...

Вася много чего за свою жизнь увидел в женских глазах, и это были отнюдь не комплименты. Каков вопрос – таков ответ, и хотя он свои многочисленные вопросы старался задавать корректно, но смысл как правило был малоприятный, и от собеседниц он слышал всякое.

Именно поэтому, да еще зная, что зловредная Марья Геннадьевна много чего могла наговорить, Вася отвечал на заинтересованный взгляд Алевтины Петровой довольно строго.

Они дошли до кафе, сели, и, поскольку предстояло говорить о вещах довольно интимных, Вася решил придать беседе неформальный оттенок. Он взял две чашки кофе, чем еще больше удивил Алевтину. Все-таки глаза у нее были выразительные. На сей раз в них читалось: вот интересно, им для таких допросов выдают подотчетные деньги на угощение, или это он за свой счет?

– Знаете, мне и начинать-то неловко, – сказал Вася. Он по опыту знал, что такая стеснительность и неуклюжесть у многих вызывают прямо-таки нежное желание помочь и ободрить.

– Если моя Настя... – начала было, мгновенно перепугавшись насмерть,

Алевтина. Вася только что руками на женщину не замахал.

– Настя тут ни при чем!

– Но мне в школе сказали...

– Что вы вдвоем могли быть свидетельницами преступления? Алевтина... простите, как по отчеству?...

– Просто – Аля.

– Ну, не мог же я сказать этой вашей школьной мымре, зачем вы мне понадобились на самом деле! – искренне воскликнул Вася.

В живых глазах Алевтины он прочитал довольно конкретную фразу: мужик, я женщина приветливая, но вторжений в личную жизнь не потерплю. Брови, что мгновенно насупились, эту мысль подтвердили.

– Я вовсе не собираюсь вторгаться в вашу личную жизнь... – глядя на одноразовую белую чашку, ответил Вася.

Алевтина опять склонила голову набок, но в другую сторону.

Ну, в разумных пределах, конечно, можно – сказали эти ясные, светло-карие, чуть подведенные глаза. Красивые, между прочим, глаза. Хотя и не в Васином вкусе. Ему, как и мно-

гим неярким, светловолосым, по всем достоинствам средним мужичкам нравились отчаянно вороные яркие девицы, с черными глазищами в пол-лица, и повыше ростом.

– И мне, честное слово, сейчас трудно определить те разумные пределы, которые, то есть, за которыми...

Васин монолог, который на самом деле был диалогом, уперся в тупик.

– Да ладно уж, – вслух сказала Алевтина. – Я с мужем почти развелась. Фактически я свободная женщина, белая, совершеннолетняя, с полным правом на самоопределение, и вообще... Если вас интересуют мои отношения с Анатолием Сергеевичем Марченко...

– Нет, вот как раз ваши отношения с Марченко меня совершенно не интересуют! – Вася был рад, что не затронет в допросе сегодняшнюю личную жизнь этой милой женщины. И сразу понял, как нужно действовать дальше. Хотя...

Хотя был, имел место какой-то внутренний вздох: ну вот, у нее есть Анатолий Сергеевич Марченко, она уже наладила свою личную жизнь...

– Значит, так. О каждой женщине моложе восьмидесяти лет ходят слухи, о каждой! И это нормально, – многообещающе начал Вася. – Иногда в их основе – какой-то искаженный факт. Мне стало известно, что вы хорошо знакомы с одним человеком. Более чем хорошо. Этот человек женат.

– Господи, да кто же это? – на сей раз вслух изумилась Алевтина.

– Валентин Башарин.

– Башарин? – опять ее глаза вполне внятно заговорили. Я старательно копаюсь в глубинах своей памяти, сказали глаза, я уже докопалась до техникума, где не имела однокурсника Башарина, я уже добралась до школы, где не имела одноклассника Башарина, сейчас я вообще в детский сад провалюсь!

– Отец одноклассника вашей Насти, – напомнил Вася.

– Точно, он! – Алевтина даже обрадовалась. – Все правильно, я действительно знаю этого человека. Если вы его увидите, скажите ему, пусть вернет плоскогубцы, две отвертки, шпатель и пилу. А также придет ко мне домой и доведет до конца начатый ремонт туалета. Там немного осталось, я сдуру отдала ему деньги, после чего он взял и исчез.

Вася, уже зная лингвистические способности Алевтининых глаз, взгляделся в них как можно внимательнее.

Это чистая правда, сказали глаза, женщину так легко сбить с толку рассуждениями о профессионально выполненном ремонте, особенно если законный муж этой женщины с трудом отличает молоток от клещей.

– Вы хотите сказать, что пригласили этого человека сделать ремонт? – на всякий случай уточнил Вася. – Познакомились с ним на родительском собрании, поняли, что он может вам помочь, и?...

– Он в строительной фирме работает, – сообщила Алевтина то, что Вася и без нее знал. – Обещал достать материалы подешевле. И вот результат.

Она усмехнулась, как бы подсмеиваясь над своей доверчивостью.

– Аля, – сказал тогда Вася. – У меня нет оснований вам не доверять. И все-таки – ваши с ним отношения ограничились ремонтом туалета?

– Незавершенным ремонтом, – поправила она. – Ну, Башарин такой человек, что он бы и к моей бабушке стал приставать – а вдруг ему обломится. Но ничего такого не было.

Однако глаза говорили другое...

– Аля! Я же не классный руководитель вашей дочери! – воскликнул Вася. – Я же сплетни распускать не собираюсь! Все это – кон-фи-ден-ци-аль-но! Башарин влип в очень неприятную историю. Он считает, что совершил преступление, и поэтому сбежал. А у меня есть основания полагать, что в него...

Вася сгоряча чуть было не начал объяснять Алевтине, что в Башарина вселился инкуб, но вовремя поймал себя за язык.

– ... что его... ну, подставили, что ли. Мне нужно с ним встретиться. Это очень важно! Его жена или понятия не имеет, у кого он может скрываться, или врет! Никто из его знакомых не знает, есть у него теперь какой-то роман, или нет. Единственная ниточка – вы, Аля!

– Да не было у меня с ним никакого романа! – возмутилась Алевтина, но возмутилась скорее словесно. а в глазах был вопрос: послушай, что ты за человек? Сейчас, когда ты заорал на меня, я разглядела в тебе что-то такое... не могу объяснить, какое...

– Значит, он всего лишь был нанят вами для ремонта туалета? – Вася понял, что перегнул палку, а выражение Алевтининых глаз его насторожило. Следовало поскорее отступить!

Не то чтобы она Васе совсем уж не нравилась. Ну, приятная женщина, приятная курносенькая женщина со светло-кариими глазами и явно крашеными волосами, приятная женщина чуть за тридцать, как и сам Вася, приятная, да... И не более того!

Он вовсе не нуждался в инициативе приятной женщины. Такие вещи обычно несколько осложняют мужскую жизнь. Хотя она и призналась, что имеет близкого друга, но, но...

Часовой, который с автоматом на груди стоит в сердце каждого мужчины, охраняя драгоценную свободу, беззвучно крикнул: «Стой! Кто идет?»

– Ну, допустим, нанят, хотя он сам предложил... – Аля явно услышала крик часового. – Но, если вам это может помочь, он много рассказывал о себе. Гораздо больше рассказывал, чем возился с туалетом.

– Вот это мне и нужно! – обрадовался Вася.

– Я даже могу подсказать вам, где он, скорее всего, спрятался.

А ее глаза говорили – я хочу как можно скорее закончить этот допрос и избавиться от тебя!

– Честно говоря, я считал, что его приютила какая-нибудь подруга, – признался Вася.

– Он был бы на седьмом небе, если бы завел подругу! – Алевтина явно преувеличивала, не так уж скверен был Башарин, чтобы не нашлось дурочки, согласной на встречи с ним, женатым и безденежным. – Вы наверно, не знаете, но жена его держит в ежовых рукавицах. А работает он в строительной фирме... да... Так вот, они ремонтируют офисы. И Валентин обычно там, где работает, устраивает себе берлогу. Ну, хозяйство там заводит и надувной матрас приносит. Когда у него дома скандал – он туда ночевать убегает. Я знаю об этом потому, что он меня туда заманивал, тогда я еще думала, что буду жить с мужем, и дома мне такие дела были ни к чему, и он тоже домой позвать не мог... А это был самый удобный вариант... Ну, ему так казалось – что удобный...

– Так, значит, он прячется в «Гербалайфе»? – Вася более чем изумился. Действительно, там ведь одновременно делали и офис, и квартиры начальства, закуток для надувного матраса имелся непременно!

– В «Гербалайфе»?

– Он там теперь работает, – объяснил Вася и встал. – Ну, большое вам спасибо. Действительно – помогли! Сказал бы – до свидания, но вы очень хороший человек, Аля, и я вам искренне желаю, чтобы у вас в жизни больше никогда не было свиданий с угрозой!

Он думал, что очень ловко выкрутился.

Он продолжал так думать, даже когда, переходя улицу, посмотрел налево и боковым зрением уловил, что Алевтина смотрит ему вслед.

Как раз на перекрестке запел мобильник. Зачем Сорокин из всех возможных мелодий выбрал «Танец маленьких лебедей» – этого Вася ни тогда, ни вообще когда-либо не понял!

– Андрей Евгеньевич? – спросил он.

– Я. Ну, есть что-нибудь?

– Вроде есть, – Васе отродясь не доводилось докладывать начальству при переходе улицы, да еще на красный свет, и он чувствовал себя более чем нелепо. – Похоже, что он регулярно отсиживается и отсыпается на рабочем месте. В данном случае это ремонтируемый офис «Гербалайфа». Обычно он...

И Вася пересказал начальству то, что узнал от Алевтины Петровой.

– Тебе, Горчаков, цены нет! – обрадовался Сорокин. – А то мне уже сверху звонили.

– Андрей Евгеньевич, сдается мне, что Башарин действительно спятил, – уже не в докладном тоне, а по-человечески сообщил Вася. – Ребята допросили пострадавших от маньяка – очень тот гад на Башарина похож!

– Зачем бы ему на этой почве с рельс съезжать? – удивилось начальство. – Он же, ты говорил, ходок!

– Опять же – сдается мне, что репутация Башарина и сам Башарин мало чего общего имеют.

И опять Вася пересказал мнение Алевтины по этому щекотливому вопросу.

– Если, с одной стороны, тебя жена пилит, а с другой – подругу завести никак не получается, то здоровому мужику и спятить недолго! – с большим удовольствием расписывал версию башаринского безумия Вася, напрочь позабыв, что собеседник – на другом конце города, что идет он, следовательно Горчаков, по улице в одиночестве, и что орет он в трубку самым непотребным образом.

Две женщины, что шли навстречу, от этого громогласного словесного пассажа расхохотались. Вася с большим трудом понял, что смеются-то над ним...

Он скоренько завершил беседу с начальством и рванул в «Гербалайф».

Коллег беглеца он отыскал на втором этаже и в почти полном составе – шесть человек.

– Башарин? – спросил его бригадир ремонтников. – Дайте мне этого сукина сына! Я его самого по стене заместо штукатурки размажу!

– Значит, вчера его на работе не было?

– Я же говорю – дайте мне его!

Глядя в простое и яростное лицо бригадира, Вася понял – больше он от этого человека ничего путного не услышит.

– Я слышал, он себе где-то наверху берлогу оборудовал.

– Какую берлогу?!?

Вася попятился.

Сейчас каждое слово было чревато.

– Или это относилось к вашему предыдущему объекту? – как бы сам себя спросил Вася.

– Мы все чего-нибудь оборудуем. Нельзя же без бытовки, – помог ему другой строитель, маленький, плотный и навеки безымянный. – Чай там вскипятить, перекусить...

– Телку привести! – подсказал еще один безымянный, помоложе. Ремонтники рассмеялись, но как-то невесело.

Вася, как мог, поддержал общее веселье. И пошел – якобы к начальству, за официальной характеристикой Башарина. На третьем этаже были три двери – две закрытые и, скорее всего, пустые – на звонки никто даже к глазку не подкрался. А вот третья открылась сразу.

Вася вошел, нюхом учуяв, что здесь-то и находится та самая берлога.

Из пустой прихожей он попал в комнату и остолбенел.

На тахте, разметавшись, спала девушка.

Если и были в природе более красивые девушки, то Вася их в жизни не встречал, это уж точно!

Девушка, укрытая какой-то грязнейшей дерюгой, была под этой дерюгой, кажется, совсем голая. Вася видел узкое загорелое колено, изящную ступню, видел остренькие плечи, видел

длинные темные волосы, такие длинные, что соскользнули на заляпанный всякой дрянью пол. Видел фарфоровый профиль...

Было в девушке что-то нереальное – как если бы сквозь нее просвечивал узор ткани, которой обита старая тахта, как если бы прозрачное личико слабо светилось...

Вдруг Васю ошаршила чисто ментовская мысль – труп!

Он подкрался и опустился на корточки, едва ли не касаясь девичьей щеки носом.

Она дышала. Она просто провалилась в сон после бурно проведенной ночи – и быть того не может, чтобы она провела эту ночь с Валентином Башариным! Неужели Аля Петрова ошиблась, и Башарин – действительно мастер уговаривать женщин?

А такую красавицу уговорить, должно быть, непросто...

Вася посмотрел на ее вещи, сложенные на облупленной табуретке. Нет, не гулена с проспекта, и лицо слишком свежее для гулены. Опять же, если бы туда и выпускали работать такую девочку, то вряд ли позволили бы ей оказаться непонятно где...

Вася осторожно отступил в прихожую.

Странное явление! Если эту неземную красавицу привел сюда Валентин Башарин – то куда же он, идиот, подевался???

Почему он не здесь? Почему не ждет с трепетом, когда она проснется?

А, может, это и неплохо?

Вася прислушался к себе.

Он оценил красоту спящей незнакомки, он взволновался, когда заподозрил убийство, – так почему же он сейчас до такой степени спокоен? Можно сказать, спокоен до полного идиотизма?

То есть – в ситуации, когда у каждого нормального мужчины моложе девяноста лет голос плоти забивает все прочие голоса, Вася слышит, как внизу чем-то шерудит бригада ремонтников – и не более того!

Вася подумал, что надо бы подойти поближе. И подошел. Результат был тот же. Красавица спала – и плоть тоже спала, как будто ей вкатили хорошую дозу клофелина.

Так, подумал Вася, допрыгался. По-научному такое дело называется – импотенция.

Но с чего бы вдруг эта зараза у здорового, нормального, спортивного мужика, чуток за тридцать? При чем мужик не переутомлен, не влюблен в другую женщину, не давал обета целомудрия, не сбрендил от порнографических журналов...

Вася отошел.

Наверно, следовало бы все-таки разбудить красавицу. Нечего ей делать в пустой квартире, куда, того гляди, вломятся ремонтники. Надо бы препроводить ее... ну, скажем, к родителям... Вася сказал себе это праведным до тошнотворности голосом. В конце концов, он сейчас при исполнении... должен прийти на помощь юному существу...

Вася подошел.

Вблизи, когда оставалось только бережно коснуться ладонью голого плеча, он понял, что делать этого не станет. Нельзя – и точка! Почему нельзя, кто запретил – леший его ведает! Но – нельзя! Под страхом смертной казни!

Вася отошел.

Да какое там отошел – если быть совсем честным перед лицом истории, ударился в бегство. И осознал это, уже оказавшись на лестничной клетке.

Смутно сделалось Васе Горчакову.

Сперва с утра симпатичная женщина к нему интерес проявила, а он только что не шарахнулся, как прохожие от сексуального маньяка. Теперь вот это недоразумение...

Неужели он в самом деле такое ископаемое, такой реликт, такой бронтозавр, что может прикоснуться к женщине (даже кончиком пальца, не говоря уж о поцелуе!) только в случае пламенной и прекрасной любви?

Но, если уж смотреть правде в глаза, следователь Горчаков общается с таким контингентом, что пламенной любви там взяться неоткуда, и, значит, обречен на вечное безбрачие!

Контингент... будь он неладен!...

Решив, что надо бы сдать девицу инспектору из комиссии по делам несовершеннолетних, Вася снял с пояса мобильник – и обнаружил, что тот почему-то выключен. Не ломая голову, когда и как это он умудрился, Вася включил мобильник и сразу же услышал звонок.

– Васька! – орал возбужденный Игорь. – Я инкуба видел! Лети мухой к улице Верещагина!... Там люди видели, куда он пошел!... Возле сэкондхэндовской лавочки!

– Ты где? – спросил ошарашенный Вася. – Там, что ли? Торчи, как столб, и жди меня!

Но, когда он прибыл на улицу Верещагина, Игоря там, понятное дело, не было...

Глава шестая.

Как я услышал в трамвае судьбоносное «Т-т-т!» и увидел прекрасную Ксению, а также о разбитой витрине, летающем стуле и прочих недоразумениях

В тягостнейшем настроении духа пребывая, погрузился я в трамвай и ехал, не глядя по сторонам, унылый и помраченный. Никакая теория из тех, что исповедуют психотерапевты, не оживила бы меня в этот миг. Ибо я видел себя в зеркале и понял, что дожил до поры подведения итогов. Вернее, предварительных итогов.

Из зеркала же на меня смотрел мужчина с одутловатой рожей и вообще весь какой-то одутловатый... во словечко, емкое, черт бы его побрал!... Его коротко стриженные волосы были не серенькие, как изначально, а серебрились. И не благородной сединой на висках, приличной любому возрасту, нет – вся моя голова равномерно покрылась этим налетом.

Тот, в зеркале, уже не был своим парнем, молодым специалистом, к которому весь мир обязан быть снисходительным, перспективным будущим кандидатом исторических наук, и так далее. Он уже не будет кандидатом наук, в таком возрасте просто неприлично быть кандидатом куда бы то ни было, со злобной скорбью подумал я, подросли мальчишки, сопляки, которым всего двадцать пять, и они с детства знают английский лучше королевы Елизаветы, именно английский, а не то ублюбочное наречие, которое нам внушали советские учебники и еще более советские преподаватели. И они сражаются за стипендию Фулбрайта, чтобы учиться в лучших университетах Америки!

А меня через пару-тройку лет дети в парке назовут дедушкой.

И еще Маргарита...

Почему это всю жизнь кажется, будто самое главное – только впереди?

И когда я в скорби своей возвысился до попытки обернуться и разглядеть пройденный путь, авось в его колдобинах сыщется и нечто утешительное, жесткий точечный удар в плечо меня ошарашил. Я дернулся и увидел перед собой физиономию.

– Т-т-т! – произнес большой красный рот с отчаянием обреченного. – Т-т-т!

И толстый палец внушительно потыкал меня в грудь.

Я понял, что привлек внимание сумасшедшего.

– Все в порядке, дружище, – сказал я ему. – Все замечательно.

– Т-т-т-т-т! – отвечал он, вдруг воздел руку с карающим перстом ввысь и изобразил ею нечто сложное и зловещее.

Это был дядька – колоритнее не придумаешь! Лет этак пятидесяти, с огромной головой, покрытой вороньими кудрями, а если его кудри и пробила седина – так постаралась сделать это как можно художественнее. Физиономия у дядьки была широкая, смугловатая, краснощекая, тугая, без единой морщинки, рот – губастый и словно помадой размалеванный, а зубы годились для рекламы стоматологической клиники.

– Я все понял, – как можно ласковее сообщил ему я. – Большое спасибо.

И стал пробираться к выходу. Мне в горестях моих только транспортных безумцев не доставало.

– Пойдите! – раздался голос, явно – вслед мне.

Голос был женский.

Я подумал, что безумец, скорее всего, жулик, и, тыкая в меня перстом одной руки, другой он добрался до кармана. И это было замечено какой-то праведной пассажиркой.

В карманах у меня обычно лежала только мелочь, даже кошелек я не заводил. Того, что мог спереть колоритный дядька, ему и на буханку хлеба не хватило бы. И если я сейчас затею с

ним побоище из-за жеваных грошовых бумажек, так это будет последняя степень унижения... Более того – за дядьку непременно кто-то заступится.

– Да постоит же! – совсем возмущенно призвал женский голос.

К счастью, трамвай подошел к остановке. И я довольно резво из него выскочил. Для чего мне идиотские разборки с сумасшедшими? *De lingua stulta veniunt incommoda multa.*

Выскочить-то выскочил... И задумался. Трамвай дальше делал поворот. Я мог идти параллельно рельсам, а мог спрямить путь и проскочить между домами. Но между которыми?

– Послушайте! – для убедительности меня даже за рукав дернули. Пришлось обернуться.

Это были кудрявый дядька – одетый, как оказалось, вполне прилично, в благообразный костюм, – и женщина за сорок, маленькая, кругленькая, стриженная не просто под мальчика, а именно под мальчика пятидесятых годов, с трогательной челочкой.

У нее были черные глазки – опять же, именно глазки, причем очень близко посаженные. И в них светилась какая-то восторженная настырность.

– Вы не думайте! – сказала эта крошка, норовя опять цапнуть меня за рукав.

– Я никогда не думаю, – буркнул я. Двое сумасшедших – это уже многовато.

– Нет, вы действительно не думайте!

Ну, как откажешь в такой просьбе?

– Я постараюсь.

– Он вас предупреждает! – крошка странно красивым жестом указала на кудрявого дядьку, а дядька отчаянно закивал. – Он глухонемой, но ясновидец. Он увидел, что вас ждет крупная неприятность, и хочет предупредить.

Глухонемых ясновидцев мне еще не хватало!

– Это не шутка! – крошка полезла в сумочку. – Вот мое редакционное удостоверение.

Я прочитал – и уставился на нее чуть ли не с трепетом.

Это была та самая Наталья Степашина, которая раскапывала всякие жуткие истории про детей-сироток, брошенных бабушек и отчаявшихся инвалидов, вынутых из петли. Когда я работал в шестнадцатой школе, еженедельник «Отчий дом», где она про все это писала, наши дамы просто рвали из рук. Зачем-то им нужна была еженедельная порция чужого неблагополучия...

– Я вас читал... – ну, что еще тут можно было сказать.

– Это действительно ясновидящий, – громко сказала Наталья Степашина. – Я сама о нем в «Отчем доме» писала. Только я не все понимаю, что он хочет сказать.

– Т-т-т! – подтвердил ясновидящий.

И точно – поди пойми...

Женщины, ждавшие трамвая, повернулись и уставились на ясновидца. Похоже, Степашина не упускала возможности сделать своей газете рекламу.

– Откуда он взялся? – зная способность Степашиной откапывать самые фантастические судьбы, я не сомневался, что этого пророка она или на кладбище из могилы восемнадцатого века в глухую полночь извлекла, или освободила из заброшенного подвала местной госбезопасности, где он десять лет жил без хлеба, воды и общества себе подобных.

– Если бы я знала! – воскликнула крошка. – Судя по всему, он цыган. Видите – одет нормально. У кого-то, видимо, живет. Он точно так же обратился на улице ко мне, с ним была Леонтина, вот она его знает уже несколько лет и умеет переводить.

– Переводить? С чего?...

– Т-т-т! – мол, вот с чего, сказал дядька.

– Ну, он же это осмысленно ты-ты-тыкает, – объяснила Степашина. – Если ему правильно задавать вопросы, он так точно отвечает, что мороз по коже!

– Пишет, что ли? – догадался я.

– Если бы он умел писать!

– Без-гра-мот-ный?!? – я посмотрел на ясновидца с большим уважением. Для того, чтобы при советской власти остаться безграмотным, нужно было проявить недюжинные способности к конспирации и подпольной работе. Не то что теперь. Теперь не повели тебя родители в школу – ну и хрен с тобой.

– Пойдемте с нами! – предложила Степашина. – Вы Иманту понравились. Он охотно составит ваш прогноз.

– Как вы его назвали?

– Имант.

– Что же это за имя такое?

Она пожала плечами. Очевидно, происхождение имени не поддавалось переводу с языка «т-т-т». Оставалось недоумевать – как это самое имя вообще выяснили?

Дядька, который действительно сильно смахивал на сытого цыгана, оживился – стал показывать на часы, вдаль, ты-ты-тыкал на разные лады – словом, звал в дорогу.

Я и пошел. Было в этом безумии что-то, не дающее попросту отмахнуться и удрать. Тем более, что идти было недалеко. Редакция «Отчего дома» оказалась тут же, за углом.

Это был двухэтажный деревянный дом. О нем в городе ходили легенды – например, все были уверены, что до революции тут размещался шикарный офицерский бордель. Оттуда, мол, и кабинетная система на втором этаже, и большой зал внизу. Я как историк проверил эту версию и обнаружил, что до революции домовладельцем числился купец Яблочкин. Может, он и сдавал свою недвижимость под бордель, но во всяком случае не шикарный. Потому что следы офицерского притона разврата я обнаружил в месте, считавшемся тогда чуть ли не окраиной. Здание после двух войн, увы, не уцелело, и теперь там, хотите верьте, хотите нет, выстроенный в пятидесятые годы, оснащенный колоннами, фронтонами и гигантской лепниной вендиспансер.

Новые времена и «Отчего дома» не пощадили. Я знал, что многие школы сдавали помещения фирмам, сорок пятая даже умудрилась сдать один из двух спортзалов под склад, а тридцать четвертая имела свой собственный пункт сдачи стеклотары, что наводило на нехорошие мысли о тамошних нравах. Содержать двухэтажный дом редакции, очевидно, оказалось не по карману, и несколько комнат первого этажа были сданы магазину «second hand», о чем и извещала соответствующая вывеска. Хорошо хоть вход себе сэкондхэндовцы прорубили отдельный.

– Скорее, скорее! – приказала Степашина.

Мы быстро вошли в этот липовый бордель, поднялись на второй этаж – и я обомлел. Вдоль стенки длинного коридора стояла очередь. И не простая, а чисто дамская. Такая молчаливая очередь, человек в двадцать, и пестрая до беспредела: между двух старушек церковно-иконописного вида торчала, например, как жупел яркая девица, которую явно держали в секретаршах для услуг совсем иного рода.

Увидев Иманта, все это сборище зашевелилось, негромко загалдело. Я даже явственно услышал:

– Вас здесь не стояло!

Уж не мне ли сие адресовано, подумал я, потому что Степашина, ухватила меня за предплечье, тащила за собой по узкому коридору с явным намерением устроить мне прием вне очереди.

Перед дверью с табличкой «Главный редактор» она остановилась, достала из сумочки ключ, открыла кабинет и первой вошла туда. Второй оказалась черноволосая, редкостно уродливая женщина с худющим лицом и глазами навывкате. А потом одновременно протиснулись и мы с Имантом. Черноволосая немедленно захлопнула за нами дверь.

Оказалось, это и была Леонтина.

Говорят, старые цыганки делаются уродливыми до чрезвычайности. Если Леонтина действительно была цыганкой, лет бы я ей дал по меньшей мере триста восемьдесят шесть.

Имант уверенно подошел к большому столу, как видно – редакторскому, уселся поплотнее и всем видом показал, что готов к приему посетительниц.

– Прогноз личный – сто рублей, по снимку – полтора ста, – строго сообщила мне Леонтина. Она уже поставила на маленький столик, примыкавший к большому, раскрытую сумку для денег.

– Вот и прекрасно, – ответил я. – У меня таких капиталов нет, я пойду!

Поняв, что я пытаюсь удрать, Имант привстал и сказал «т-т-т!» Ему непременно хотелось порадовать меня грядущими неприятностями!

– Леня, ты же видишь, – вмешалась Степашина. – Он сразу настроился на волну. Давай переводы поскорее!

– Садитесь напротив него! – приказала Леонтина, а сама села в торце стола, всем видом показывая: готова улавливать мельчайшие нюансы!

– Т-т-т! – потрясая перстами где-то возле огромных глазищ, как бы показывая, что из них, из глазищ, нечто грозное исходит, провозгласил Имант. И сделал жест, как будто разгонял скопившийся над столом туман.

Затем он как бы обвел рукой контуры женского тела и возвел глаза к потолку. Далее в прямой последовательности:

схватился за голову;

сказал «т-т-т-т-т!»

описал перстом несколько кругов и потыкал меня в то место, где грудь переходит в живот; поскреб рукой стол наподобие кота, закапывающего экскременты;

сказал «т-т-т», но с вопросительной интонацией;

показал четыре пальца.

– Моя твоя не понимай, – на всякий случай попроще выразился я.

– Но это же элементарно! – воскликнула Леонтина. – У вас были крупные неприятности с начальством.

– Начальница, кажется, женщина, – добавила Степашина.

– Две женщины! Но это уже позади, хотя были определенные потери.

– Вы лишились денег! – Степашина явно претендовала на более точный вариант, но Леонтина была по части ты-ты-тыканья поопытнее.

– Не денег, а устойчивости, что ли. И любимая женщина вас бросила.

– Она, скорее всего, ушла к другому... – начала было Степашина, но Леонтина явно отслеживала мельчайшие, микронные изменения моего лица.

– Ее разлучили с вами, но другого Имант возле нее пока не видит.

– Видит!

– Не видит!

Я забеспокоился – неужели хоть четверть той чуши, что пишут в «Отчем доме» про ясно-видящих, – правда?...

– Время идет, а вы не можете ее забыть. И не скоро сможете, – продолжала Леонтина. – Из-за нее вы влипли в какую-то историю. Мужчина... да, мужчина, который находится на службе, втянул вас в опасное дело, он пытается разобраться с вашей помощью в чем-то... Имант даже не может точно понять, в чем, но вам лучше вовремя отойти в сторону. Он боится для вас зла, большого зла от служебного мужчины. В течение или четырех дней, или четырех недель. Он удивляется, как вы сами этого не видите?

Чтоб я сдох – цыган имел в виду Ваську и пряжку на его ментовском ремне!

– Будьте очень осторожны! Четверка представляет для вас большую опасность! – продолжала вещать Леонтина, это был ее звездный час, она чувствовала, что передает именно те

картины, которые Имант углядел в небесных высях. Вдруг он вмешался, сказал, естественно, «т-т-т!» и нарисовал у нее на ладони пальцем загогулину. Леонтина с тревогой уставилась на эту загогулину, потому что тут уже следовало не каркать наугад, а нести какую-то конкретную чушь – может быть, даже фамилии называть.

Тут Степашина догадалась посмотреть на часы.

Как видно, мы выбились из графика. Она поднесла Иманту циферблат под самый нос и, не найдя, видно, более весомого аргумента, потыкала ногтем в стеклышко с магическим «т-т-т!»

Имант посмотрел на меня с явным сожалением.

Но Степашина уже была у двери, уже впускала первую страдальницу, а мне показывала рукой, чтобы я выметался. Что я с радостью и сделал.

Она вышла со мной вместе и отвела на лестничную площадку.

– У нас очень мало времени на прием, а очередь – сами видите.

– И что – каждый день так?

– Трижды в неделю.

И она рассказала, что после ее статьи об Иманте редакцию завалили письмами и оглушили звонками. Пришлось устроить для жаждущих прорыв в будущее. Кроме того, Имант по фотографии определяет, где находится оригинал, жив ли, а если жив – то скоро ли помрет...

Беседуя, она часто поглядывала в окно. И все же проворонила нужный миг. Что-то там, на улице, появилось – более опасное, чем моя магическая четверка.

Негромко ахнув, Степашина ворвалась в коридор, растолкала жаждущих прорыва и распахнула дверь в кабинет. После чего объявила, что на сегодня прием завершен – продолжение послезавтра в то же время! Из кабинета вышла крайне недовольная посетительница, которой Леонтина прямо на ходу вернула деньги, и последним его покинул величавый Имант. Его Степашина с Леонтиной подхватили под руки и впахнули в какой-то закоулок. А женщины всей отарой поспешили вниз по лестнице.

– Что тут за сумасшедший дом? – раздался звучный, выразительный, хорошо поставленный женский голос. – Наталья! Опять тут духов вызывали?

Пробиваясь сквозь толпу, наверх поднималась высокая женщина в белой шляпе.

Я в какой-то мере эстет, но не просто эстет, а с научным фундаментом. Васька этого не понимает. Я осмысляю цвет и его вибрации. А Васька говорит, что в лилово-розовых штанах на улицу выползают исключительно гомосексуалисты. Объяснить ему, что лиловый цвет свойствен самой высшей чакре и рождает просветление, невозможно.

Так вот, на этой женщине была белая шляпа с лиловой лентой, завязанной сзади большим симметричным бантом. И я сразу понял, что передо мной – Настоящая Женщина. С подлинным пониманием. И с немалым мужеством – надеть такую шляпу значит привлечь к себе взоры всего встречного мужского населения города, а это чревато.

– Опять клуб самоубийц возродился? Или это общество садоводов, выращивающих мандрагору? – продолжала громко и не дожидаясь ответов спрашивать Настоящая Женщина. Теперь уже было видно, что она в белом костюме, высокая, статная, приметная. – Наталья! Или это прошлогодние охотники за летающими тарелками?

Тут она достигла второго этажа, вошла в коридор и увидела распахнутую дверь кабинета.

– Опять у меня? Ну, конечно, лопнуло мое терпение! Я, конечно, гуманна, но не до такой же степени!

Она прошла мимо меня, приняв, как видно, за охотника, или самоубийцу, или садовода, или вообще не заметив. А я посмотрел ей вслед и обнаружил, что юбка белого костюма коротка до изумления. И ноги, которые она открывает, тоже изумительны. Не тощие конечности местных моделек, у которых самая широкая и увесистая часть ноги – колено, а Настоящие Ноги.

Изысканные. Безупречные. С высоким подъемом, точеной щиколоткой, узким коленом, подтянутые, знающие секрет Настоящей Походки.

– Если в моем кабинете еще раз устроят коммерческий цыганский шабаш, я даже не буду туда входить, а сразу вызываю милицию! – пообещала Великолепная Женщина и, решительно шагнув в этот самый оскверненный кабинет, захлопнула за собой дверь.

Из закутка появилась физиономия Степашинной. Журналистка испуганно посмотрела на дверь, на меня, и приложила палец к губам.

Далее мимо меня проследовала уникальная процессия. Впереди на цыпочках кралась маленькая кругленькая Степашина. За ней, тоже стараясь не греметь и ссутулившись вопрошительным знаком, продвигалась тощая, как смерть, Леонтина. А уж за Леонтиной вальяжно выступал Имант.

По-моему, он так и не понял, что произошло.

Я пристроился в хвост этого безмолвного шествия и вместе с ним вышел на улицу.

Тут Степашина обрела дар речи.

– Я тебе говорила, что у нее терпение на исходе! – напустилась Наталья на Леонтину.

– Но ей же сперва все это понравилось! – самым что ни есть убедительным голосом простонала Леонтина. – И куда же нам теперь деваться?...

– Понравилось! – явно сделав выбор между глухонемым пророком и собственным разъяренным начальством, отвечала Степашина. – Кому понравится, если трижды в неделю такие нашествия! И в собственном кабинете!

– Мы же с утра!

– А если ей вдруг захотелось поработать в тишине именно с утра?

Я по финансовой части человек более чем девственный, но догадался: за любое другое помещение, во-первых, пришлось бы платить, а во-вторых, территория редакции «Отчего дома» почему-то считалась безопасной для Иманта.

Я вспомнил Астралона...

Неладно что-то было в наших магических кругах!

Кончилась дискуссия тем, что обе дамы вошли в «second hand» и принялись делить добычу. Быстро и весьма профессионально. Они думали, что их с улицы не видно, потому что витрина занята бальным нарядом конца пятидесятых, чтоб не соврать, годов. А оказалось – таки видно...

Наверно, живи я в пещерном веке, помер бы с голоду. Я бы исправно вместе с прочими мужами загонял мамонта в ловушку и метал в него булыжники (моя бедная голова – целая картинная галерея, причем картинки – из всевозможных учебников истории). Но когда пришлось бы с дубиной в руке доказывать свое законное право на мамонтову ляжку – я бы, наверно, самоустранился, объяснив соплеменникам, что сие ниже моего достоинства...

– Т-т-т! – сказал мне Имант. И ободряюще улыбнулся. Мол, четыре крупные неприятности, или четыре года без гроша за душой, или четыре тещи, или четыре судимости – это все ерунда!

Дверь магазина отворилась, обе дамы вышли.

И тут же их нагнал мужичок с пакетом. Скучный такой мужичок, весь, надо полагать, сэкондхэндовский.

– Вот, забыли, – сказал он Леонтине.

– Спасибо, – с тем пакет был принят, но мужичок не вернулся, а остался стоять в дверях, как бы ожидая событий. Я подумал – ну вот, дожили, мужчины в лавчонках продавцами служат!

Я был в «second hand» не так давно, искал стильную рубашу под лиловые джинсы. И меня потряс ящик с бюстгальтерами. Оказывается, когда приходит контейнер с товаром, хозяева магазина сами не знают, что там внутри. На сей раз они рассчитывали получить как раз рубашки,

а получили вот это безобразие. Посреди магазина был выставлен ящик в два кубометра, не меньше, мне по пояс, и толпа женщин усердно в нем ковыряясь, вытаскивая добычу с такими воплями, что мне представилась Вальпургиева ночь на Лысой горе.

– Я пойду, – Степашина всем видом показывала, что отправляется к Ксении на растерзание. Но Леонтина никакого сочувствия не выразила. Она даже напустила на лицо обиду, как будто редакция была обязана предоставлять им с Имантом приют для пророчеств и не выполнила своих законных обязательств.

Мне бы тоже следовало пойти вслед за Степашинной.

В том, что я задержался, был некий мистический смысл.

К дверям редакции подошел мужчина, из тех, кого называют видными. Был он в черной рубашке, расстегнутой до пупа, в обтягивающих штанах, выпущенных поверх сапог-«казаков», коротко стриженный и с неподвижной крупной физиономией.

– Т-т-т-т! – лупя меня ладонью по спине, затарахтел цыган. И тут же стал отмахиваться от этого пришельца.

Мужчина, ни на что не обращая внимания, внимательно прочитал вывеску редакции. И с отрешенным видом шагнул в дверь.

– Т-т-т! – возмущался Имант, тыча пальцем ему вслед. – Т-т-т!

Далее последовала такая пантомима. Цыган изобразил срывание галстука со своей толстой шеи и швыряние этого галстука в пространство. Потом обвел силуэт человека, якобы перед ним стоящего. Потом принялся махать и плевать на этот силуэт, а потом и вовсе показал пальцем на собственную ширинку. Пророк определенно взбесился.

Леонтина смотрела на него, напряженно стараясь понять всю эту галиматью. И вдруг ее осенило.

– Имант говорит, что это был сам черт! – изумленно сказала она. – Черт, который хочет женщин, много женщин!

– Инкуб?!?

Я кинулся следом за «чертом».

А вместе со мной поспешил почему-то дохленький мужичок-сэкондхэндовец.

Почему я вдруг поверил цыгану – объяснить не берусь. Тайна сия велика есть. И покрыта неизвестным мраком.

Нужно было срочно позвонить Ваське! Пусть приезжает с оперативниками, с магами, с бригадой из дурдома и ловит свое сокровище! В редакции же в каждом кабинете – по телефону, и рабочий день уже начался!

В коридоре первого этажа я не заметил никакого инкуба и не услышал шума, который он мог бы произвести. Там вообще не было ни души. Придерживая сундучную сумку, я побежал наверх. Мужичок даже и смотреть туда не стал, сразу понесся по лестнице. И прибежали мы вовремя. «Черт» открывал дверь редакторского кабинета.

Я не знаю, что он за те секунды, которые мне потребовались на пять прыжков, успел сказать Ксении. Но, судя по результату, что-то чересчур сексуальное. Дверь, которую он захлопнул за собой, открылась.

Мы увидели внутренность кабинета.

На оснащенной колесиками стуле сидел «черт». И я почему-то сразу понял, что он не просто так сюда сел, но из-за самостоятельно подкосившихся конечностей.

Перед ним стояла Ксения, вид которой напомнил мне прекрасную строку бессмертного Руставели:

«Как на выступе утеса разъяренная тигрица...»

Она еще не успела прийти в себя после изгнания цыганского гадательного салона, а тут новое вторжение!

– Сумасшедший дом! – восклицала Ксения. – Думаете, я вас отсюда выставить не сумею?

Она развернула стул и толкнула его с такой неожиданной силой, что «черт» выехал в коридор, а мы с сэкондхэндовским мужичком шарахнулись в разные стороны.

– Люсенька! – радостно произнес «черт». – Это ты!

Судя по роже, он вряд ли видел, где находится, и осознал опасность. В воздухе повеяло безумием!

– Я милицию вызывать не буду! – звучный голос разъяренной Ксении пронизал липовый бордель вверх до крыши и вниз до канализации. – Я с тобой сама управлюсь! Пошел в задницу!

Она сунула руку в сумку – и то, что я увидел потом, впечаталось в память невообразимо прекрасным кадром.

Наверно, я всю жизнь буду вспоминать ее именно такую – беспредельно обольстительную в белом костюме и с пистолетом в руке.

– Ну? – грозно спросила она. – Это не контора, это бедлам! Мало мне ясновидцев! Наталья! Степашина! А вы кто такой? Как сюда попали?

За те месяцы, что я, будучи избавлен от нивы просвещения, зарабатывал на жизнь фотографическим ремеслом, довелось мне познакомиться с многими редакторами и заведомыми. Но еще ни один не наводил на меня пистолета.

– Я Игорь Синецын.

Представившись, я похлопал по сундучной сумке – мол, если и представляю для вас интерес, то исключительно этим!

«Черт», даже не пытаясь встать, молча смотрел на Ксению. Разрази меня гром небесный – с восхищением! И в глазах, таких же каменных, как вся крупная физиономия, засветилось некое понимание обстановки...

– Вот, нашел тебя... – произнес глуховатым бесцветным голосом «черт». – В смысле...

Отродясь я не слыхивал живого инкуба. Но предполагал, что с дамами он красноречив. Васька со слов нашего бывшего декана Георгия Никаноровича Сарафанова объяснил мне, что лермонтовский Демон, чистейшей воды инкуб, и мне казалось, что «черт» должен преподнести Ксении что-то вроде: «И будешь ты царицей мира, подруга верная моя!»

Почему же он вдруг застеснялся?

Дело было не в пистолете. От пистолета он как раз не шарахался. А я вот испытывал такое желание...

Страсть, которую «черт» явно испытывал к отважной редакторше, каким-то образом уживалась с гипертрофированным почтением, я бы даже сказал – со страхом.

Он все же дернулся, пытаясь привстать.

И тут сэкондхэндовский мужичок отклеился от стенки, бросился к «черту» и пихнул его обратно. Вид при этом у мужичка был совершенно предсмертный.

Не сказав более ни единого слова и не обращая внимания на эту возню, прекрасная Ксения развернулась, вошла в кабинет и столь весомо хлопнула дверью, что едва косяк не рухнул.

– Ну! Ты! Родной! – вдруг рявкнул «черт». Очевидно, только Ксения и могла его держать в кротости и повиновении. Мужичок попятился.

«Черт» резко поднялся, и я понял, что сейчас произойдет убийство. Мужичок, очевидно, тоже. Он развернулся и кинулся прочь, к лестнице. «Черт» – за ним!

Ну и что мне оставалось делать?

Трудно жить без пулемета – время от времени говаривал Васька.

В коридоре не то чтобы пулемета – банальной палки от швабры не было. Только стул, на котором Ксения вывезла из кабинета «черта».

Я иногда совершаю какие-то не свои поступки. Вот, например, то, что я сделал со стулом, полагалось бы сотворить Ваське, он же у нас бывший оперативник, супермен, боец! Я как-то неожиданно быстро поволок за собой стул, возле самой лестницы провез его вокруг собственной персоны по дуге и обрушил сверху вниз. Стул впилился прямо в спину «черту» – и оба они

в обнимку покатались по лестнице. А я, резко поумнев, понесся спасаться в кабинет Ксении. Уж там-то меня бы защитили!

– Добрый день! – быстро, пока она не успела опомниться, заговорил я. – Еще раз позвольте представиться – Игорь Синицын, хотел бы с вами сотрудничать, работаю очень быстро, если нужно, могу и написать...

Я прислушался. В коридоре было тихо.

– Добрый день, – ответила она. – Садитесь...

Но вот сесть-то как раз было не на что.

Она посмотрела на меня, улыбнулась, вдруг вспомнила, что еще не сняла свою роскошную шляпу, подняла руки... о Аллах, если бы ради меня эта женщина, раздеваясь, так поднимала руки...

– И во всех жанрах... – забормотал я. – И в репортажном, и в очерковом... Позвонить от вас можно?

– Звоните.

Ксения села за стол, включила компьютер и всем видом показала – работаю, тружусь, говорите потише.

Я набрал Васькин номер. На работе его не было.

– Еще один звонок можно?

– Наверно, я имел совсем уж жалкий вид – она позволила. Я позвонил домой.

– Бабуленька! – сказал я как можно проникновеннее. – Мне Вася не звонил? Если появится, пусть немедленно...

– Тебе срочное сообщение, – перебила бабуля. – Вот, зачитываю. Срочно связаться с родителями Маргариты Бояриновой! Номер запиши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.